К. Н. Щепетов

ИЗ ЖИЗНИ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН РОССИИ XVIII–XIX ВЕКОВ

УЧПЕДГИЗ 1963

Тип. им. Котлякова. 16—8 000 000. 1963 г.

К. Н. Щепетов

Из жизни крепостных крестьян России XVIII–XIX веков

По материалам Шереметевских вотчин

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1963

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рецензент: доктор исторических наук, профессор *П. А. Зайончковский*

Константин Никанорович Щепетов

ИЗ ЖИЗНИ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН РОССИИ XVIII—XIX ВЕКОВ

Редактор *В. Е. Степанова*. Редактор карт *М. Д. Киселева*.
Обложка художника *М. В. Серегина*.
Художественный редактор *Б. Л. Николаев*.
Технический редактор *Н. Н. Махова*. Корректор *Н. А. Пашкова*

* * *

Сдано в набор 12/VI 1963 г. Подписано к печати 23/X 1963 г.
84×108 1/32. Печ. л. 6,25 (5,13). Уч.-изд. л. 5,42. Тираж 26 000 экз. А06926.

* * *

Учпедгиз. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.
Полиграфкомбинат Приволжского совнархоза,
г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. Заказ № 395.

Цена 14 коп.

ВВЕДЕНИЕ

В XVIII — первой половине XIX в. в России господствовала феодальная собственность на землю. Земля принадлежала классу помещиков-дворян. Другим сословиям было запрещено владеть землей с крепостными крестьянами.

В. И. Ленин писал: «Крепостническое общество представляло такое деление классов, когда громадное большинство — крепостное крестьянство — находилось в полной зависимости от ничтожного меньшинства — помещиков, которые владели землей»[1].

В 1783 г. в России из 12 839 529 душ мужского пола было: крестьян — 94,5%; мещан, ремесленников — 3,1%; дворян — 1%; духовенства — 1%; чиновников — 0,4%. 6 678 239 душ мужского пола крестьян (53% из общего их количества) находились во власти 128 385 помещиков.

Помещики были вынуждены наделять крестьян землей, чтобы обеспечить им минимальный уровень существования.

Дворянское хозяйство в XVIII в. расширялось и укреплялось. Царское правительство широко применяло раздачу земель с крестьянами помещикам. В царствование Екатерины II им было роздано более 800 тыс. крестьян обоего пола.

Земля, которой наделялись крестьяне, являлась одним из основных условий эксплуатации крестьян. Сама же эксплуатация выражалась в барщине и оброке (продуктами и деньгами).

В XVIII в. в России помещикам северной нечерноземной полосы было выгоднее получать с крестьян де-

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 445.

нежный оброк не только ввиду развития товарно-денежных отношений, но также и потому, что на неплодородных землях этой полосы крепостной труд был малопроизводителен. Наоборот, в южной, черноземной полосе барщина стала основной повинностью крестьян. В 12 нечерноземных губерниях во второй половине XVIII в. крестьян было на оброке 55%, на барщине — 45%; в 7 черноземных губерниях на оброке было 26%, на барщине — 74%.

Барщина и оброк не были точно и строго определены.

В XVIII в. была распространена трехдневная барщина, но в отдельных местах она равнялась четырем и более дням в неделю.

В первой половине XIX в. барщина продолжала возрастать: она подрывала крестьянское хозяйство — ту основу, на которой держалось помещичье землевладение.

Рост барщины был связан с развитием товарно-денежных отношений и капиталистического уклада в недрах феодального строя.

Помещики, увеличивая господскую запашку земли, стремились получить больше хлеба и других сельскохозяйственных продуктов для сбыта на рынках Москвы и других городов, а также за границу.

В конце XVIII и первой половине XIX в. некоторые помещики переводили своих обедневших крестьян на месячину. Месячина — это предельная форма барщины, когда крестьяне целиком переводились на господскую работу. Они лишались земельного надела, трудились на полях помещика, получая месячную натуральную плату в виде продовольственного пайка и одежды. Размеры месячины были различны, доходя подчас до голодного пайка, который еле обеспечивал существование крестьянина. Месячина, отрывая крестьянина от земли, превращала его в простого работного человека, сближая его в этом смысле с будущим пролетарием.

Оброк с крестьян все время увеличивался. К концу XVIII в. он возрос в 2—3 раза по сравнению с 60-ми годами того же столетия. Чем больше помещик повышал оброк, тем больше денег нужно было крестьянину, чтобы его уплатить, и тем больше он должен был быть связанным с рынком. Поэтому крестьяне занимались всевозможными промыслами, основывали промышленные предприятия, уходили в города на заработки.

Развитие товарно-денежных отношений приводило к расслоению крестьянства, к появлению среди них зажиточных крестьян и бедняков.

Кроме барщинных и оброчных крестьян, у помещика в его доме работали крепостные крестьяне, оторванные от земли, так называемые дворовые люди. Количество их исчислялось у отдельных помещиков сотнями. Среди дворовых были и представители интеллигенции: художники, архитекторы, артисты и др.

Вместе с укреплением и расширением помещичьего хозяйства происходило усиление власти помещика над крестьянами. Законодательство дворянского государства не только сохраняло право помещиков по их усмотрению судить, покупать, продавать, дарить, наказывать крестьян, но присоединило к нему еще право помещиков ссылать крестьян в Сибирь без суда. Крестьяне не имели права жаловаться на своих помещиков. По указу 1767 г. всякая жалоба крепостного на помещика каралась ссылкой на каторгу. В Жалованной грамоте дворянству 1785 г., которая подтверждала право дворян владеть землей и крестьянами, последние не выделялись из простого инвентаря помещика.

В связи с усилением эксплуатации и угнетения неуклонно нарастало крестьянское движение. В 50—70-х годах XVIII в. большого размера достигли волнения помещичьих крестьян. Крестьяне массами бежали на Дон, в Новороссию, на Кавказ, в Оренбургский край, на Урал, в Сибирь и за пределы России. Усиливались также волнения на заводах, но особенно потрясла Россию крестьянская война под руководством Е.И. Пугачева (1773—1775 гг.). В это время на огромной территории от Урала и Башкирии до центральных черноземных губерний господство помещиков было временно подорвано; в ряде мест крестьяне получили свободу и землю. Чиновничье-дворянская администрация была ликвидирована.

Непосредственно за подавлением крестьянской войны начались крупные выступления крестьян в западных губерниях. Крестьяне требовали полного освобождения от работы на помещика, уничтожения крепостного права вообще и перевода крестьян на положение государственных. Наибольшего развития крестьянское движение достигло в 1796—1797 гг. Оно распространилось на

всю территорию Европейской России, перерастая в борьбу против основ крепостного права.

В первой половине XIX в. в сельском хозяйстве России наблюдались некоторые сдвиги. Натуральный характер сельскохозяйственного производства уже не являлся господствующим. Сельскохозяйственное сырье — пенька, льняное семя, шерсть, кожи — вывозилось за границу. С 40-х годов заметно увеличивается вывоз хлеба. Намечается специализация земледелия: в центрально-черноземных и южных степных губерниях производятся зерновые культуры; в северо-западных сеют лен, в юго-западных губерниях выращивают сахарную свеклу.

Наряду с этим стали применяться сельскохозяйственные машины. Вводится многопольный севооборот.

Но, несмотря на это, Россия по-прежнему продолжала оставаться отсталой сельскохозяйственной страной, дальнейшее развитие которой задерживалось господством феодально-крепостнических отношений.

Увеличение барщины и оброка приводило к разорению крестьян, что вело за собой и упадок помещичьих хозяйств. В этом отношении показательна огромная задолженность дворян. На заложенных имениях помещиков в середине XIX в. числился громадный долг — полмиллиарда рублей.

Вовлечение крестьянских хозяйств в товарно-денежные отношения в первой половине XIX в. расширяло спрос на промышленные товары и создавало рынок рабочей силы. В крепостной России наметились необходимые условия не только для роста мелкой крестьянской промышленности и мануфактур, но и для развития фабрично-заводского производства. Количество мануфактур России возросло за вторую четверть XIX в. больше чем на 50%, до 2800 предприятий, а количество рабочих — до 860 тыс. Среди них по найму работало до 530 тыс. человек.

В ряде отраслей русской промышленности начинает применяться машинная техника, в 30-х годах XIX в. строятся крупные бумагопрядильные фабрики.

Применение новой техники началось и в горнозаводской промышленности. В 20-х годах XIX в. на русских железоделательных заводах стали работать прокатные станы.

Промышленный переворот в России, стягивавший рабочих в крупные предприятия, приводил к тому, что у рабочих стало вырабатываться сознание общности их классовых интересов, противоположных интересам хозяев. Начинает формироваться рабочий класс, начинается пролетарское движение.

К середине XIX в. только в крупной промышленности было занято около 1 млн. человек, большая часть которых работала по найму. В 1860 г. вольнонаемные рабочие составляли около 4/5 общей численности рабочих, в то время как в 1825 г. их было лишь несколько более половины.

Промышленный переворот сопровождался и важнейшими изменениями в положении крепостных фабрикантов. В 1820—1840 гг. выкупились на волю 50 семейств ивановских фабрикантов, уплативших своему помещику 1 млн. рублей. Выходцами из разбогатевшей крепостной буржуазии были фабриканты Прохоровы, Гучковы, Коноваловы и др.

Среди крестьянства накануне отмены крепостного права происходило дальнейшее расслоение. Правовое положение крестьян в первой половине XIX в. было не менее тяжелым, чем в XVIII в. Помещики по-прежнему продавали и покупали крестьян. Только незадолго до отмены крепостного права, в 1848 г., крестьянам было разрешено приобретать недвижимую собственность, но и то только с согласия помещика. Закон 1822 г. вновь подтверждал право помещика ссылать своих крестьян в Сибирь. Крестьянам было запрещено жаловаться на своего владельца. За подачу жалобы на помещика по Уложению о наказаниях 1845 г. полагалось 50 ударов розог. Все это приводило к страшным истязаниям и даже убийствам крестьян.

Усиление эксплуатации крепостных крестьян в первой половине XIX в. вело к обострению классовой борьбы, что нашло свое выражение в росте крестьянского движения.

С 1801 по 1861 г. произошло 1448 крестьянских волнений и восстаний:

с 1801 по 1810 г.— 83	с 1831 по 1840 г. — 143
с 1811 по 1820 г.— 124	с 1841 по 1850 г. — 351
с 1821 по 1830 г.— 156	с 1851 по 1861 г. — 591

Движение крестьян сопровождалось убийствами помещиков и управителей. За период с 1837 по 1855 г. было убито 121 помещик и 19 управителей.

Борьба крестьян решительно расшатывала основы феодально-крепостнического строя и наряду с другими условиями создавала в конце 50-х — начале 60-х годов революционную обстановку.

Шеф жандармов Николая I Бенкендорф довольно точно выразил основное направление ожесточенной классовой борьбы: «Простой народ,— писал он,— ныне не тот, что был 25 лет перед сим. Весь дух народа направлен к одной цели — к освобождению... Крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опасно, что войско составлено из крестьян».

Вопрос о крепостном праве и его уничтожении являлся центральным вопросом общественно-идейной борьбы в первой половине XIX в.

А. И. Герцен, основавший в 1853 г. в Лондоне первую Вольную русскую типографию, страстно и убежденно боролся за уничтожение крепостного права, за ликвидацию чиновничества, продажного сословия суда, царской цензуры, против подавления свободной мысли.

Герцен и Огарев вели за рубежом работу великого революционного значения. «Колокол», вокруг которого группировался за границей революционный центр, выступал за освобождение крестьян с землей, разоблачал крепостное право, воочию показывая гнилость царского режима, палачество царских чиновников и судей.

Одним из представителей русского освободительного движения был и В. Г. Белинский. Еще во время пребывания в университете он написал драму «Дмитрий Калинин», в которой гневно обрушился на крепостное право. Появившееся впоследствии известное письмо Белинского к Гоголю В. И. Ленин считал «...одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати...»[1]. В этом письме Белинский характеризовал Россию как ужасную страну, где люди торгуют людьми, где они называют себя не именами, а кличками, где нет не только гарантии для личности, чести, собственности, но нет даже полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 223—224.

В 50-х годах на арену общественной жизни вступил Н. Г. Чернышевский, посвятивший свою жизнь народу и отдавший все свои силы борьбе с царизмом. Чернышевский возглавил журнал «Современник», который стал объединяющим центром русского революционного движения. В своих выступлениях великий революционный демократ говорил о тяжелом положении крепостного крестьянства, доказывал необходимость полного освобождения крестьян и наделения их землей.

Ближайшим сторонником Чернышевского был Н. А. Добролюбов. В прокламации «Барским крестьянам...», написанной, как предполагают историки, Чернышевским или Добролюбовым, говорится о том, что условия освобождения от крепостной зависимости для крестьян непосильны, что царь выступает заодно с помещиками и что крестьянство должно готовиться к восстанию, но не начинать его, пока не будет «назначения» или «объявления» о нем. Чернышевский и Добролюбов были убеждены, что крестьяне могут добиться полного освобождения только путем народного восстания, путем революционного свержения самодержавия. Поэтому они считали, что пришло время создавать революционную организацию и «звать Русь к топору».

На протяжении первой половины XIX в. правительство не издало ни одного сколько-нибудь существенного закона, который бы в какой-то степени изменил положение крепостного крестьянства.

Отмена крепостного права в России могла быть осуществлена либо путем свержения царизма и таким образом ликвидации феодализма, либо путем реформы, проводимой сверху и сохранявшей значительные пережитки крепостничества. Первый путь означал быстрый рост капитализма, которому не мешали остатки феодализма. Это обеспечивало развитие сельского хозяйства по капиталистическому пути. Второй путь означал развитие капитализма при сохранении феодальных форм землевладения, медленно приспосабливающихся к капитализму. Это влекло за собой закабаление крестьян помещиками и всячески задерживало капиталистическое развитие страны.

Сложившаяся в России накануне отмены крепостного права обстановка вполне способствовала крестьянскому восстанию. Однако, как указывает В. И. Ленин,

до крестьянского восстания тогда дело не дошло, так как «...века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием...» [1]

Отсюда и стал возможен тот вид реформы, каким его хотели видеть помещики, самодержавное правительство и его чиновники. Крестьяне и после освобождения остались бесправным, податным сословием, над которым продолжали издеваться помещики и поставленное ими начальство.

С другой стороны, В. И. Ленин, раскрыв классовый характер реформы 1861 г., дал четкое определение ее существа. Он писал: «Крестьянская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой. Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию»[2].

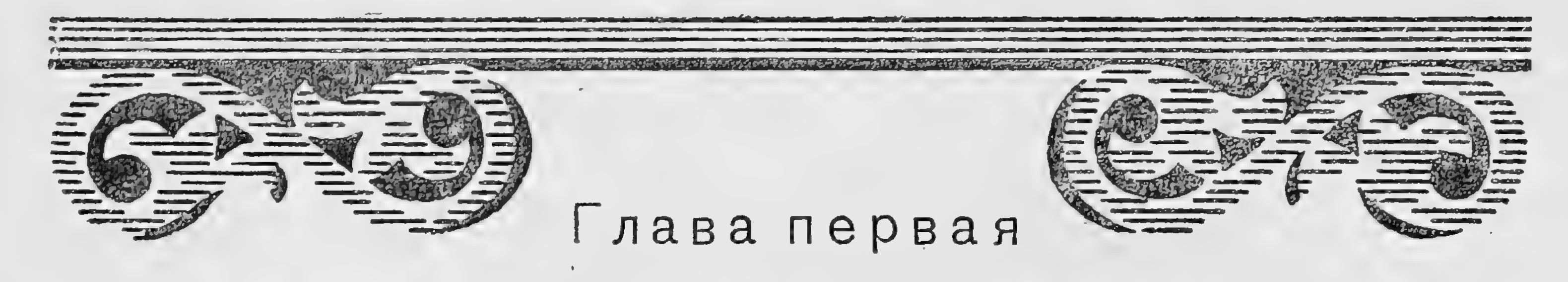
Отмена крепостного права создала условия для постепенного утверждения капитализма. Эти условия заключались в том, что свыше 20 млн. крепостных крестьян были лично освобождены и частично лишены средств к существованию. После крестьянской реформы и дальнейшего развития капитализма образовалась большая армия наемных рабочих, достигавшая в начале 90-х годов 10 млн. человек.

В конце 70-х годов происходит завершение промышленного переворота в России, развивается тяжелая промышленность, возрастает выплавка чугуна, добыча нефти. В 60—80-х годах возникает новый металлургический район на Украине. Бурно протекает развитие легкой промышленности, и в первую очередь текстильной.

Основная задача настоящей работы заключается в том, чтобы на конкретном материале из жизни крепостных крестьян в вотчинах Шереметевых, расположенных в 17 губерниях бывшей царской России, показать общее положение крестьян России в XVIII и первой половине XIX в. Автором наряду с другой литературой использованы хорошо сохранившиеся многие архивные материалы фонда Шереметевых.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 96.
[2] Там же, стр. 95.

Глава первая

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН В ВОТЧИНАХ ШЕРЕМЕТЕВЫХ В XVIII в.

В XVIII столетии Шереметевы были крупными землевладельцами и душевладельцами. Основу земельных богатств Шереметевых положил фельдмаршал Петра I Б. П. Шереметев (1652—1719). Он значительно расширил свои наследственные земли. В 1689 г. Б. П. Шереметеву была пожалована в Ржевском уезде Молодотудская волость «по указу великих государей и великих князей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича за верную и усердную службу». За победу над шведами, а также за подавление восстания в Астрахани и других городах в низовьях Волги и по реке Яик он получил в 1706 г. в Ярославском уезде Юхотскую волость, а в Ростовском — село Вощажниково с деревнями. В 1708 г. ему было передано подмосковное село Константиновское; в 1711 г. Б. П. Шереметев «выпросил» у Петра I вотчину Пебалг в Прибалтике, чтобы он «при глубокой своей старости чем увеселиться мог». В Белгородской губернии Петр I пожаловал фельдмаршалу две слободы — Борисовку и Михайловку. Владения Шереметевых около Борисовки вскоре значительно увеличились путем покупок земли у разных помещиков.

Еще более расширил земельные владения сын фельдмаршала П. Б. Шереметев (1713—1788). В 1743 г. к нему в качестве приданого его жены В. А. Черкасской перешло 26 вотчин князя А. М. Черкасского, где проживало 42 630 крестьян мужского пола. Среди этих вотчин необходимо отметить следующие: в Московском уезде — Останкино, Вешняково, Марково; во Владимирском — Иваново, Васильевское, где развивалось ткацкое набивное производство; в Нижегородской губернии —

Павлово, Ворсма, Панино, известные своей металлообрабатывающей промышленностью; в Воронежской — так называемые Черкасские слободы (Алексеевская и др.).

П. Б. Шереметев увеличивал свои земельные владения путем покупок. В Саратовской губернии он купил крупную вотчину Баландинский городок. В Серпуховском, Ярославском, Углицком, Борисоглебском уездах он скупал пустоши, пашни, округляя свои земли, а также не стеснялся и насильственным захватом земель.

Помогали увеличению земельных владений графа П. Б. Шереметева и зажиточные крестьяне, покупавшие себе на имя помещика земли, впоследствии переходившие в непосредственное его владение. Таким образом перешло к Шереметевым село Богородское в Варнавинском уезде, купленное крепостным крестьянином Шереметевых откупщиком Н. Сеземовым.

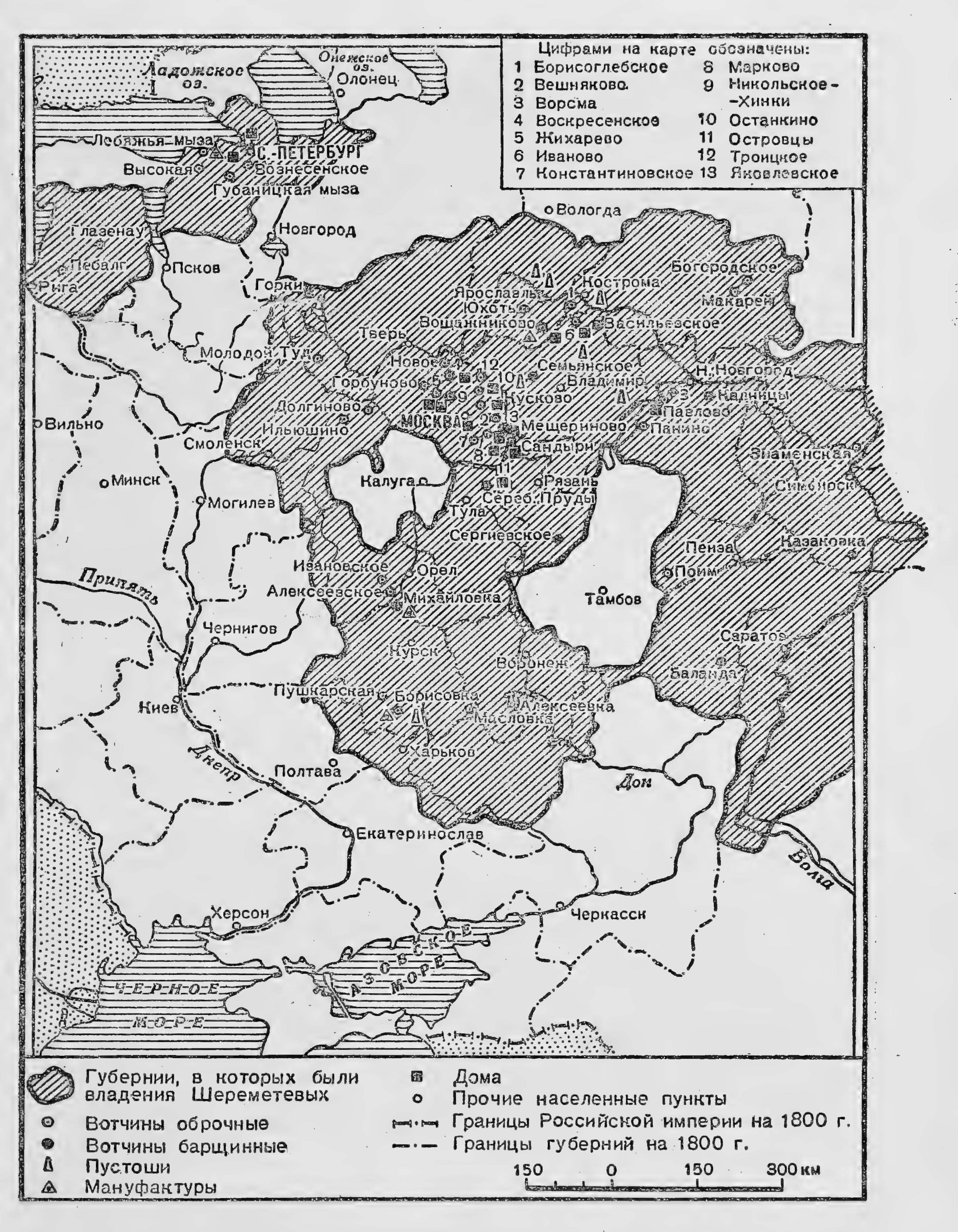
После смерти П. Б. Шереметева все земельные владения унаследовал его сын Н. П. Шереметев (1751—1809). В 1799—1800 гг. был составлен «Атлас дачам», т. е. дано описание земельных владений Шереметева. По этому атласу в 15 губерниях имелось: земли — 649 288 десятин, крестьянских дворов — 27 249, душ мужского пола — 97 576, женского пола — 101 209.

По дополнительным данным, принимая во внимание количество земли и крестьян в вотчинах, не учтенных атласом дач, у него было в 17 губерниях 769 759 десятин (825 146 *га*) и 210 340 крепостных крестьян обоего пола.

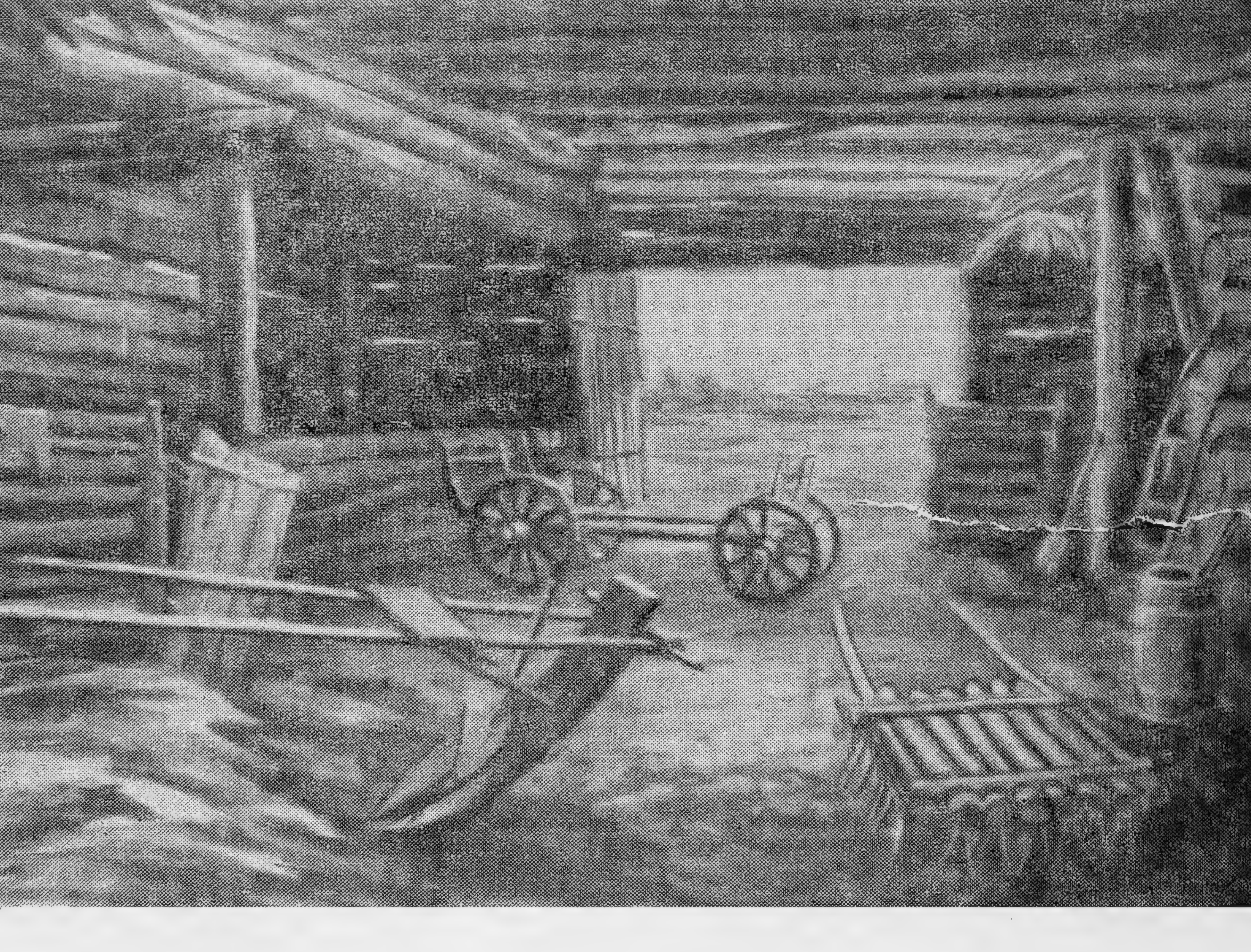
Граф Н. П. Шереметев принадлежал к той прослойке дворянства, которая владела 80% крепостного крестьянства и составляла всего лишь 16% от общего числа дворян-помещиков.

В 1765 г. наделы крестьян в вотчинах Шереметевых на ревизскую душу[1] были небольшие. Особенно они малы были в Юхотской и Молодотудской вотчинах (0,25 десятины земли на душу). Немного более, от 0,41 до 0,77 десятины на душу, приходилось в вотчинах Троицкой, Ворсмской, Борисоглебской, Павловской, Марковской, Новлянской, Панинской; от одной до 1½ десяти-

[1] Ревизия — в XVIII—XIX вв. перепись сельского и городского населения для учета и исчисления подушной подати. Учитывалось мужское население.

Земельные владения Шереметевых в 1800 году.

Сельскохозяйственные орудия крестьян.

ны — в вотчинах Семьянской, Васильевской, Алексеевской, Баландинской, Вощажниковской, Сергиевской, Ивановской, Останкинской. Позднее, в 1766—1788 гг., полевые наделы крестьян несколько увеличились.

Шереметевы всеми мерами стремились к тому, чтобы «земля в пусте не была», так как с ней связывалось выполнение крестьянами различных повинностей. Помещик принимал меры к тому, чтобы обеспечить обработку земли. В этом отношении характерно повеление П. Б. Шереметева в 1740 г. приказчику Юхотской волости: «Смотреть при той пашне за крестьянами, чтоб у кого недопашка не была, а ежели у кого по тяглу[1] явится недопашка, чинить наказание». В 1800 г. Н. П. Шереметев писал: «Заблаговременно понуждать к обра-

[1] Тягло — семья (муж и жена), а также определенное количество трудоспособных лиц в крепостной крестьянской семье как единица при разверстке барщины и оброка, а также государственного обложения. Участок земли, обрабатывавшийся такой единицей.

батыванию крестьянами их земель и приведению через то в состояние выплачивать сполна подати».

Какие же повинности несли крестьяне Шереметевских вотчин? В начале XVIII в. в вотчинах Шереметева преобладали натуральные повинности. В 1708 г. из 19 вотчин Б. Шереметева 14 находились на барщине и натуральном оброке. Крестьяне этих вотчин обязаны были обработать помещику 2012 десятин пашни, засеять 3190 четвертей ржи, убрать 26 462 копны сена. Кроме того, они должны были передать из своего хозяйства помещику 1592 барана, 546 пудов свинины, 820 гусей, 740 уток, 386 поросят, 1606 кур, 45 пудов топленого масла, 16 805 яиц, 1060 аршин холста.

В 1765 г. Шереметевым принадлежало уже 57 вотчин, из которых только 17 состояло на барщине. Половина барщинных вотчин приходилась на Московскую губернию. Барщинный характер их определялся не потреблением продуктов самими землевладельцами, а близостью этих вотчин к Москве и московскому рынку. На денежный оброк была полностью переведена Юхотская волость и село Вощажниково (в 1763 г.). Характерно, что на оброке оказалась и большая часть южных степных вотчин. В течение второй половины XVIII в. оброк быстро вытесняет барщину, и к концу столетия на барщине остались только две вотчины: Серебряно-Прудская в северной части черноземного района (Тульская губерния) и Сергиевская в Сапожниковском уезде Рязанской губернии.

В 1776 г. крестьяне Серебряно-Прудской вотчины Тульской губернии обрабатывали на помещика 1500 десятин, а в 1796 г. уже 3600. Если в первой половине XVIII в. крестьяне несли барщинную повинность согласно тому количеству земли, которое находилось в их пользовании, то во второй половине XVIII в. барщина уже имела характер поденщины: из каждого дома через день высылалось на работу по два человека. Приказчик и все должностные лица должны были зорко следить за интересами своего помещика и подвергать крестьян наказаниям, если они не вышли на работу.

Так, в повелении Н. Шереметева говорилось: «Если же кто не выйдет на господскую работу в возрасте от 17 до 65 лет, то штрафовать: за первый раз определить на неделю к рытью камня и каналов; за второй раз —

На барщине. (С рисунка худ. *Александровой*.)

должен вырабатывать то же время и сверх того наказать розгами, а буде кто и в третий раз то же сделает, употребить в работу на месяц и сверх того наказать батогами с записью в книгу в судной избе».

Не менее тяжела была барщинная повинность крестьян в подмосковных Клязьменских вотчинах. Крестьяне посылались на работу в село Останкино «мало когда непоголовно». В 1775 г. они жаловались: «Исправляя в селе Останкино пашни... сенной покос и всякие изделия с женами... за дальним от жилищ наших расстоянием, та наша всегдашняя бытность привела к самому крайнему разорению и нищите». В заключение крестьяне просили не посылать их на работу в Останкино.

Но их челобитная была оставлена помещиком без последствий. Несмотря на дальность расстояния, крес-

тьяне должны были нести барщину в Останкине, обрабатывая там землю и все более и более разоряясь.

Хозяйство, в котором крестьяне работали подневольно, не могло развиваться. В письме Н. П. Шереметева (от 1796 г.), относящемуся к Серебряно-Прудской вотчине, говорилось, что «нет никакого усердия и должного присмотра за хлебопашеством от приказчика и смотрителей, а крестьяне, видя слабость наблюдения, производят хищения и выполняют работу и уборку хлеба без всякого радения». В заключение своего повеления граф писал: «Нет никого, кто бы хотя на один шаг поступил к соблюдению моих интересов и подал пример собою выполнения должного».

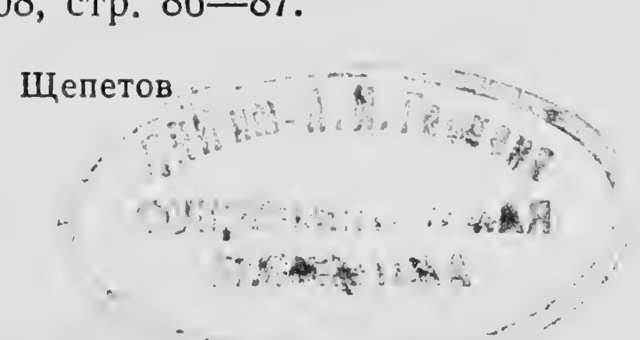
В Серебряно-Прудской вотчине уборка зерновых производилась плохо: сырая рожь мололась с мякиной; крупа убиралась с сором и с землей, не отделялась от шелухи; овес был с разными примесями и сырой.

У некоторых помещиков крепостные крестьяне отрабатывали барщину на вотчинных фабриках. На этих фабриках работали и взрослые и дети, иногда в две смены, значительную часть года — 230—280 дней.

Помещики, писал Н. И. Тургенев, помещали сотни крепостных, преимущественно молодых девушек и мальчиков, в жалкие лачуги и силой заставляли работать. «Я помню, с каким ужасом говорили крестьяне об этих учреждениях: они говорили «в этой деревне есть фабрика» так, как если бы говорилось «там есть чума» [1].

В вотчинах Шереметевых были распространены преимущественно мелкие текстильные предприятия — небольшие ткацкие избы, в которых трудились крепостные дворовые. В 1742 г. в селе Вощажникове была поставлена третья ткацкая изба. Работало в этих избах 8 ткачей. В 1743 г. от них было принято 639 аршин ткани, главным образом салфетки, и несколько гладких полотенец. В 1765 г. каждый ткач должен был выткать в год 266 аршин камчатых тканей и 270—300 аршин простых, что значительно превышало продукцию 1743 г. Нет ничего удивительного, что при такой нагрузке ткачи очень часто заболевали, не могли уже работать и влачили жалкое существование.

[1] Н. И. Тургенев, Россия и русские. «Библиотека декабристов», кн. I, ч. 3, 1908, стр. 86—87.

Ткацкие избы Шереметевы имели и в Москве. Они находились у Новодевичьего монастыря, где были поставлены три светелки, в которых жили ткачи. Сохранилась челобитная этих ткачей П. Б. Шереметеву: «Бьют челом Вашего сиятельства всенижайшие рабы ткацкой светлицы ткачи Н. Ф. Зотов, С. Шитов, А. Ларионов... Жительство мы нижайшие имеем на загородном Вашего сиятельства дворе, что под Девичьем монастырем при означенных ткацких светлицах с женами своими в казенных Вашего сиятельства трех покоях, которые весьма ветхи и бревна все сгнили; из боков подставлены подпорками, а полы и потолки все обвалились и в оных будущею зимою с женами и из нас некоторых с малолетними детьми прожить будет никак невозможно, о чем от нас нижайших и дворецкому Семену Телехову было объявлено. Того ради Вашего сиятельства премилосердного государя всенижайше просим дабы повелено было показанные Вашего сиятельства три покоя перестроить вновь и о том милостивую Вашего сиятельства резолюцию учинить».

Остается неизвестным, были ли исправлены эти светлицы. Во всяком случае в 1808 г. ткачи выполнили заказ графа Н. П. Шереметева: они соткали до 1000 аршин косматой материи. Управитель Агапов дал ткачам следующую характеристику: «Н. Ф. Зотов — поведения недурного, усерден и трезв; Д. П. Корелин — поведения недурного, прилежен и трезв; М. И. Халдин исправен в должности и работает прилежно; Ф. И. Ширяев и П. И. Молчанкин состояния хорошего и трезвого и работу производили прежде и ныне прилежно».

Промышленных предприятий капиталистического типа с наемной рабочей силой и продажей продукции на рынок у Шереметевых не было. Отсутствие таких предприятий объясняется развитием в вотчинах Шереметевых крестьянских промышленных заведений, в которых работали наемные рабочие.

Мануфактуры зажиточных крестьян были очень устойчивы. Е. Грачев при выкупе на свободу в 1795 г. передал помещику Н. Шереметеву две свои фабрики, но последний так и не мог в них организовать производство и отдал их обратно Е. Грачеву.

Для удовлетворения нужд Шереметевых крестьянские промышленные предприятия поставляли все необ-

Оброчные крестьяне в Петербурге. (С рисунка худ. *Александровой*.)

ходимые товары. В 1781 г. Ефим Грачев, владелец ткацкой фабрики, доставил в Москву, в Китайский дом графа Шереметева, 8 скатертей, 370 салфеток, из села Павлова графу было отправлено 194 разных металлических изделий (замков, ножниц, пистолетов и пр.).

Мы рассмотрели барщинные повинности крепостных крестьян и работу их в небольших мастерских. Основным же источником дохода Шереметевых был денежный оброк с вотчин, который все время увеличивался. В 1708 г. он взимался с ревизской души в количестве 63 коп., в 1765 г.—2 руб., в 1798 г.—5 руб. Пуд ржаной муки в 1707 г. стоил 2,5 коп., в 1765 г.— 13 коп., а в 1798 г.—41 коп.

Рост оброка был частично связан с возрастанием цен, но главным образом он повышался в связи с развитием крестьянских промыслов. Чем же объясняет, на-

пример, Н. Шереметев повышение денежного оброка в Юхотской волости Ярославской губернии в 1800 г.? «Ныне,— говорится в приказе Н. Шереметева,— соображая дороговизну во всем, возвышение цен на хлеб, сопряженные с теми выгодами, какие крестьяне мои приобретают вообще от промыслов своих, получая за оные приращения свои... принужден я был по самым сим обстоятельствам... на получаемые с них доходы сделать соразмерную накладку».

В 1798 г. крестьяне всех оброчных вотчин заплатили Шереметеву денежный оброк в сумме 413 237 руб. (в переводе на рубли 1913 г. — 1 136 461 руб. 42 коп., если считать рубль 1798 г. равным 2 руб. 75 коп. в 1913 г.).

Повинности с крестьян взыскивались жестоко. Еще в 1718 г. фельдмаршал Б. П. Шереметев на просьбу крестьян Вощажниковской вотчины о снятии с них излишнего оброка в 469 руб. наложил такую резолюцию: «Впредь не бить челом; ведайте вы сами, что я сию волость купил кровью своею и дана мне сия волость на всякое мне довольство, и челобитную[1] вам сию некий плут советальщик писал и обольготить мне вам нельзя: ежели вас обольготить, то разве мне самому скитаться по миру». Тогда же Б. П. Шереметев писал приказчику Молодотудской вотчины Тихонову: «Ежели чего не доберешь, будет у тебя, приказчика, из ног выломано и доправлено без пощады. Рука моя». (Так подписывался в приказах фельдмаршал.)

Неплательщиков оброка Н. П. Шереметев приказывал отдавать в рекруты, «...а горланов, подучающих обывательству от платежа, в страх другим, переселять в дальние вотчины». Нередко крестьян, нарушающих установившиеся порядки в вотчинах Шереметевых и не выполняющих повинности, ссылали в Серебряно-Прудскую вотчину, которая по условиям работы в ней заслуженно получила название «Шереметевской каторги». Как взыскивался оброк в Павловской и Ворсмской вотчинах, рассказывал служитель Шереметевых Г. Потапов: «А столько мучат бедных, что наказав ловит, посадит в черную, сечет и говорит — плати оброк. А перес-

[1] Челобитная (в древней Руси) — письменное прошение (бить челом).

Портрет капита́листого крестьянина с. Иванова И. Гарелина.

тав говорить, не отпустит его, нет, посадит его еще в черную и еще надобно посечь не один раз».

В связи с преобладанием денежного оброка в вотчинах Шереметевых крестьяне занимались различными промыслами, открывали промышленные предприятия или уходили из своих сел на заработки. Все это приводило к появлению в деревне зажиточных крестьян, торговцев и промышленников, а также бедных крестьян.

Во многих вотчинах Шереметевых ремесла крестьян приобретали характер кустарных промыслов; изделия

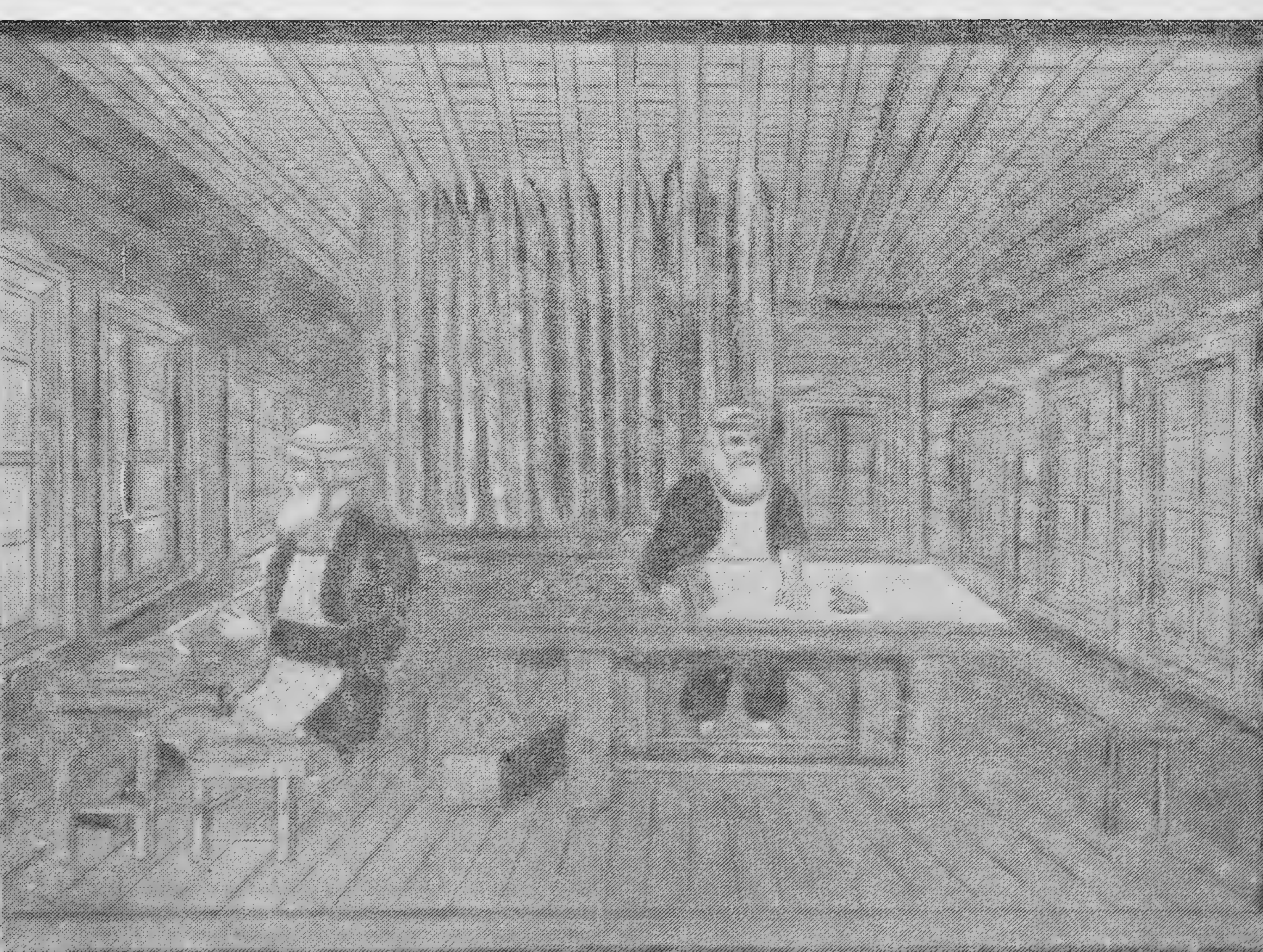
выносились на рынок. Среди крестьян появляются владельцы мастерских и скупщики кустарных изделий.

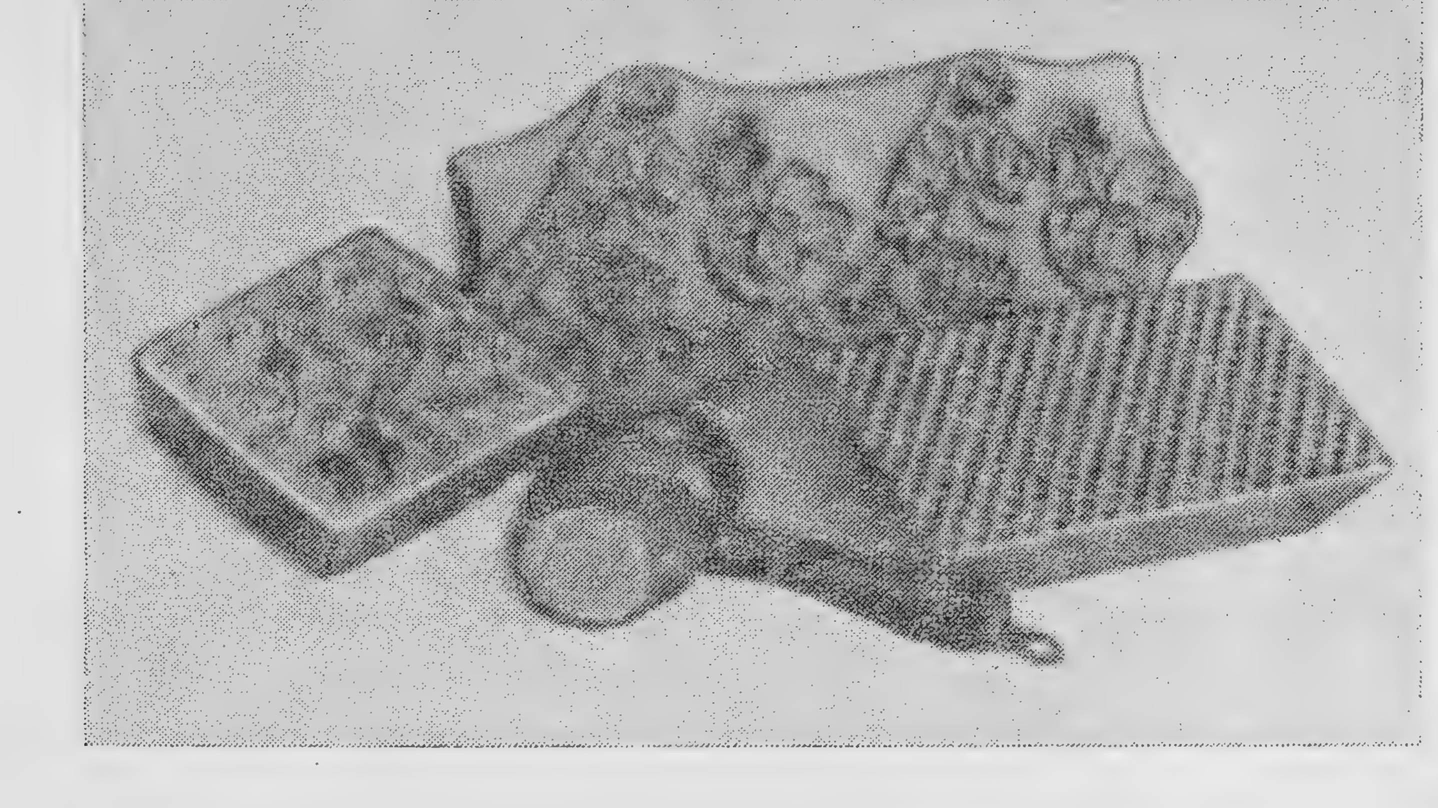
Так, жители села Павлово в большинстве своем занимались промыслами и торговлей, были «непашенными» крестьянами.

В селе Иванове «пашенных» крестьян также становилось все меньше и меньше. Еще в 1632 г. хлебопашеством там занималось всего лишь 20% крестьян, а в 1667 г.— восьмая часть населения. Крестьяне села ткали холст, окрашивали его и продавали на рынке.

В 40-х годах XVIII в. в Иванове широко распространилось льноткачество, поэтому в селе возникли крестьянские мануфактуры Г. Бутримова и И. Грачева, а несколько позднее И. Гарелина и И. Я. Ямановского. Эти крепостные крестьяне раньше занимались торговлей, например И. Грачев разбогател от удачной торговли, которую он вел не только в Иванове, но и в Москве, Петербурге и в Сибири. В окрестностях села Иванова ему принадлежало несколько сот десятин пашни, леса и сенокоса, записанных на имя Шереметева. Грачев был лично известен помещику и нередко ссужал его деньгами.

Набойная мастерская с. Иванова (С лубка XVIII в.)

Манеры (набивные доски) и набивной молоток. (Из собрания Останкинского дворца-музея.)

На Ивановских мануфактурах изготовляли полотняные ткани, которые продавались в Петербурге, Архангельске и за границей.

Кроме того, в Иванове возникли и ситценабивные мануфактуры, а на крестьянских предприятиях ткали пестрядь (грубая ткань из разноцветных ниток) и коломянку (льняная ткань для одежды). Ткацкие предприятия этих крестьян были небольшие; десять из них имели от одного до трех станков, девять — от пяти до десяти станков и лишь одно — 16 станков.

В 1789 г. в Иванове местные крестьяне имели 188 набоечных изб. В большинстве своем набивкой ткани занимались набойщики-одиночки. Вся работа производилась ими в жилой избе. Они варили краску и заваривали набойку в глиняных горшках, в русской печи. Отсюда и пошло название таких крестьян «горшечники». Работали крестьяне только сами, своей семьей, без наемных рабочих. Это было мелкое товарное производство.

Другая группа крестьян имела уже средства для расширения производства, работала в особых помещениях, нанимала рабочих. У некоторых крестьян набоечные мастерские обрастали рядом отдельных построек (красоварки, подогревки, сушилки, заварки[1] и т. п.) и получили название «заводов по производству набоек». Таких

---

[1] Для закрепления краски на ткани и придания ей яркости ситцы заваривали в особых помещениях на берегу реки, называемых заварками.

заводов в Иванове в 1789 г. было 20; они имели основательную техническую базу. Среди них особенно выделялись заводы И. М. Ямановского, Е. И. Грачева, П. И. Гарелина, И. И. Кубасова, О. А Сокова, Е. Пономарева, Ф. Полунина, ставшие вскоре настоящими крупными мануфактурами.

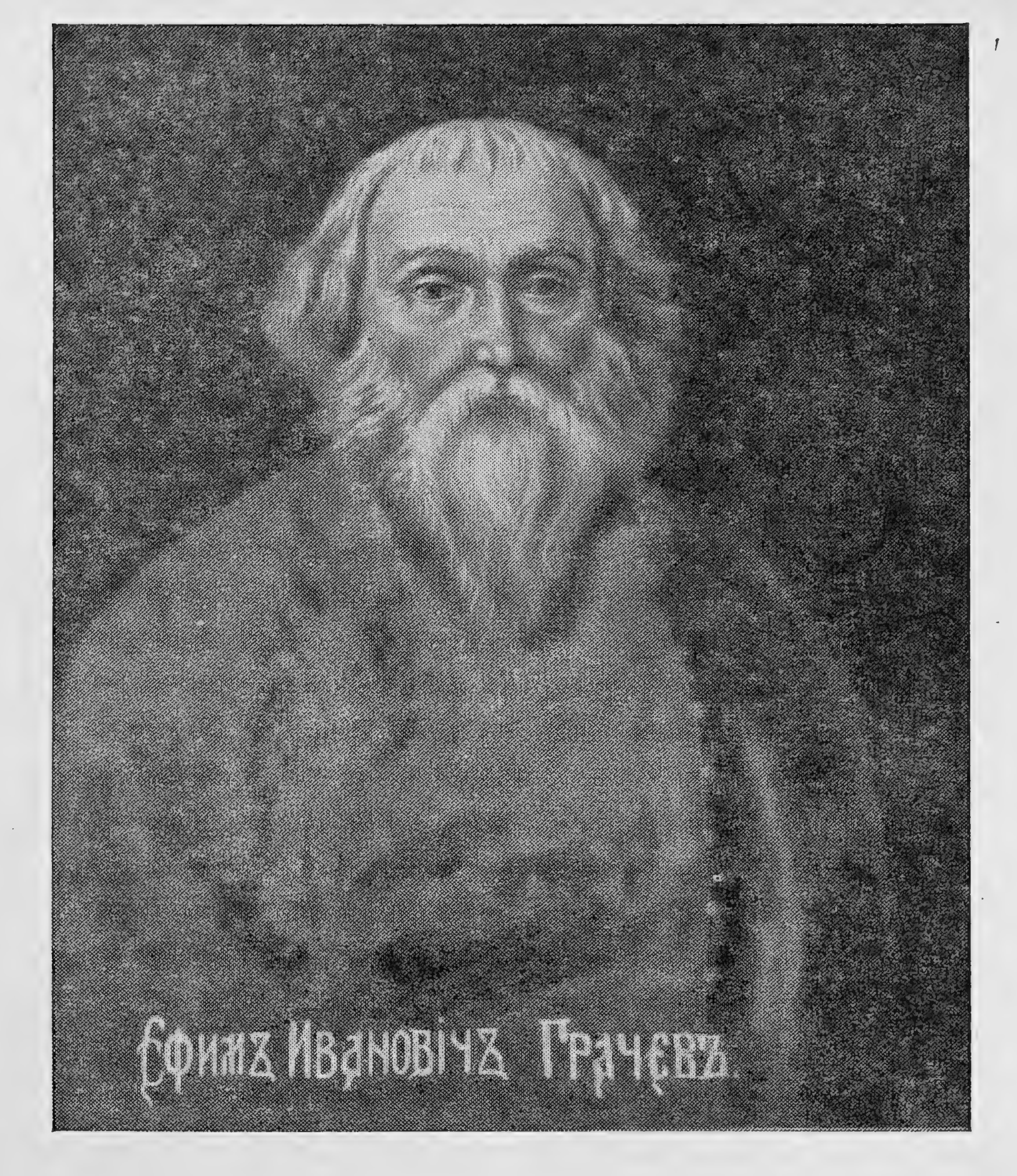
Ивановские изделия продавались далеко за пределами села: торговцы и скупщики, а также разносчики-офени[1] увозили их в Москву, Казань, на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки. Рабочей силой на предприятиях Иванова были как пришлые отходники по паспортам (оброчные крестьяне, отпускаемые помещиком на заработки), так и местные крестьяне, принадлежавшие к беднейшим слоям. Среди последних немалое число находилось в долговой зависимости от крестьян-фабрикантов.

Богатые ивановские крестьяне, помимо фабрик и заводов, имели земли и крестьян, приобретая их с разрешения помещика на его имя. Крестьянин Е. И. Грачев в 1795 г. владел 3034 десятинами земли и 881 душой мужского пола. Все это было записано на имя графа

[1] Офеня — бродячий торговец-разносчик, продававший по деревням галантерею, мануфактуру, книжки; то же, что коробейник.

Старая Заварка на р. Уводи в селе Иванове.

Портрет капита́листого крестьянина с. Иванова
Е. И. Грачева.

Шереметева. Крестьяне Грачева на фабриках не работали, а удовлетворяли «надобности домашнего хозяйства (Грачева) в хлебе, в сене и в доставке фабрике дров».

В селе Иванове в XVIII в. отчетливо выявляются три группы населения: 1) немногочисленная группа первостатейных крестьян: торговцев, владельцев фабрик и купленных ими земель; 2) группа среднестатейных (средостатейных) крестьян — людей среднего достатка, самостоятельно занимавшихся промыслом; 3) группа крестьян третьей статьи — «промышлявших своим трудом», т. е. работавших по найму.

Дом в с. Иванове, принадлежащий в XVIII в. капитáлистому крестьянину Е. И. Грачеву.

Земский Ивановской вотчины С. Полыгин, составлявший в 1802 г. ответы на анкету домового управления, так характеризует эти группы населения: «Капитáлистые[1] (первостатейные) являются владельцами больших массивов покупных земель и «фабрик», которых в здешней (Ивановской) вотчине состоит больших и малых 80. Капитáлистые используют на «фабриках» наемных людей. Для продажи товаров имущественные крестьяне ездят по дальним ярмаркам и городам. В тех случаях, когда капитáлистые продолжают заниматься земледелием, они все наймом пашню исправляют, а сами обращаются при фабричных заведениях и в торговых промыслах. Первостатейные крестьяне эксплуатируют труд «покупных» крестьян, они же правят вотчиной в качестве выборных и верховодят на мирских сходах. Среднестатейные (посредственные) исправляют промысел в домах своих, а другие, у хозяев в наймах работая, а между тем и в домах своих собственных набоечные работы исправляют. Сработанные товары маломощные фабришники продают приезжающим в село Иваново посторонним людям и отъезжают на близлежащие торги и ярмарки. Кредитуясь у крестьян и купцов, они нередко оказываются задолжавшимися.

---

[1] Капитáлистые крестьяне — так называли зажиточных крестьян в вотчинах Шереметевых.

Изба среднестатейного крестьянина подмосковной деревни Выхина.

Изба крестьянина последней статьи. (С рисунка худ. *Фуфаева*.)

Внутренний вид крестьянской избы (С гравюры XVIII в. *Ле-Пренса*.)

Третьестатейные работают по найму на «фабриках», забрасывают свои наделы, детей своих отдают в детские работы, оплачивают подати, продавая свое имущество... Третьестатейные крестьяне переходят в село для работы на фабрике...»

Этот далеко зашедший процесс расслоения крестьянства села Иванова можно для 1795 г. представить в следующих цифрах:

дворов крестьян первостатейных (зажиточных) было 59/9%/;

дворов крестьян среднестатейных (среднего достатка) было 235/36%/;

дворов крестьян третьестатейных (бедных) было 357/55%/.

Чем глубже проникали в хозяйство крестьян товарно-денежные отношения, тем более они способствовали росту имущественного неравенства и ускоряли расслоение крестьянства.

В селе Васильевском, находившемся в том же промышленном районе, что и село Иваново, в конце XVIII в. было 17 зажиточных крестьян, имевших капитал от 500 руб. и более.

В селе Павлове Нижегородской губернии преобладали промыслы, связанные с обработкой металлов. Большинство крестьян металлистов работали на более богатых местных крестьян. Уже в середине XVIII в. в селе выделились заводчики-крестьяне Ворожейкины, Бронниковы, Безбрязговы, Акифьевы, Вырыпаевы.

Павловские кустари выполняли какую-либо одну операцию, а не производили изделия целиком. Среди ружейников, например, одни изготовляли только ружейные ложи, другие делали ружейные замки, третьи отливали ружейные приборы, четвертые отбивали стволы, пятые занимались сборкой ружей.

Это разделение труда отрывало кустарей от непосредственной связи с покупателями через рынок, усиливало зависимость от зажиточных крестьян, от скупщиков. О такой зависимости павловских кустарей служитель графа Шереметева Г. Потапов писал: «Каждый кустарь стремился освободиться от «прижимков» этих богатеев, но принужден был брать 10 рублей и работать на них как осел, и, чем дальше, тем пуще из долгу не вылезать».

В конце XVIII в. в селе Павлове было 323 слесарные мастерские, находящиеся при домах, 4 стальных, 20 мыловаренных и 50 кожевенных заводов.

Крестьяне производили замки, ножи, ножницы, ружья, выделывали кожи, овчины, пряли, красили холсты, занимались обработкой дерева и прочими промыслами (иконописцы, портные, кирпичники и др.). Отдельные крестьяне занимались извозом. На своих лошадях они перевозили различные товары.

Село Павлово — это уже центр обработки металлов. Бывший в плену швед Страленбер в 1730 г. писал: «Жители этого города все суть замочники или кузнецы, делают очень чистую работу и известны по всей России».

В географическом словаре Полунина и Миллера, изданном в 1773 г., говорится о селе Павлове: «Жители оного почти все ружейные мастера и делают преизрядные ружья и замки, из коих иные так малы, как горошинка, однако сделаны весьма искусно, отпираются и запираются».

В павловских мастерских работали главным образом члены семьи — сыновья и братья. Но владельцы мастерских прибегали и к найму рабочей силы.

В 1801—1802 гг. в селе только 15 человек обрабатывали землю, 156 занимались торговлей, а 1431 человек — ремеслами.

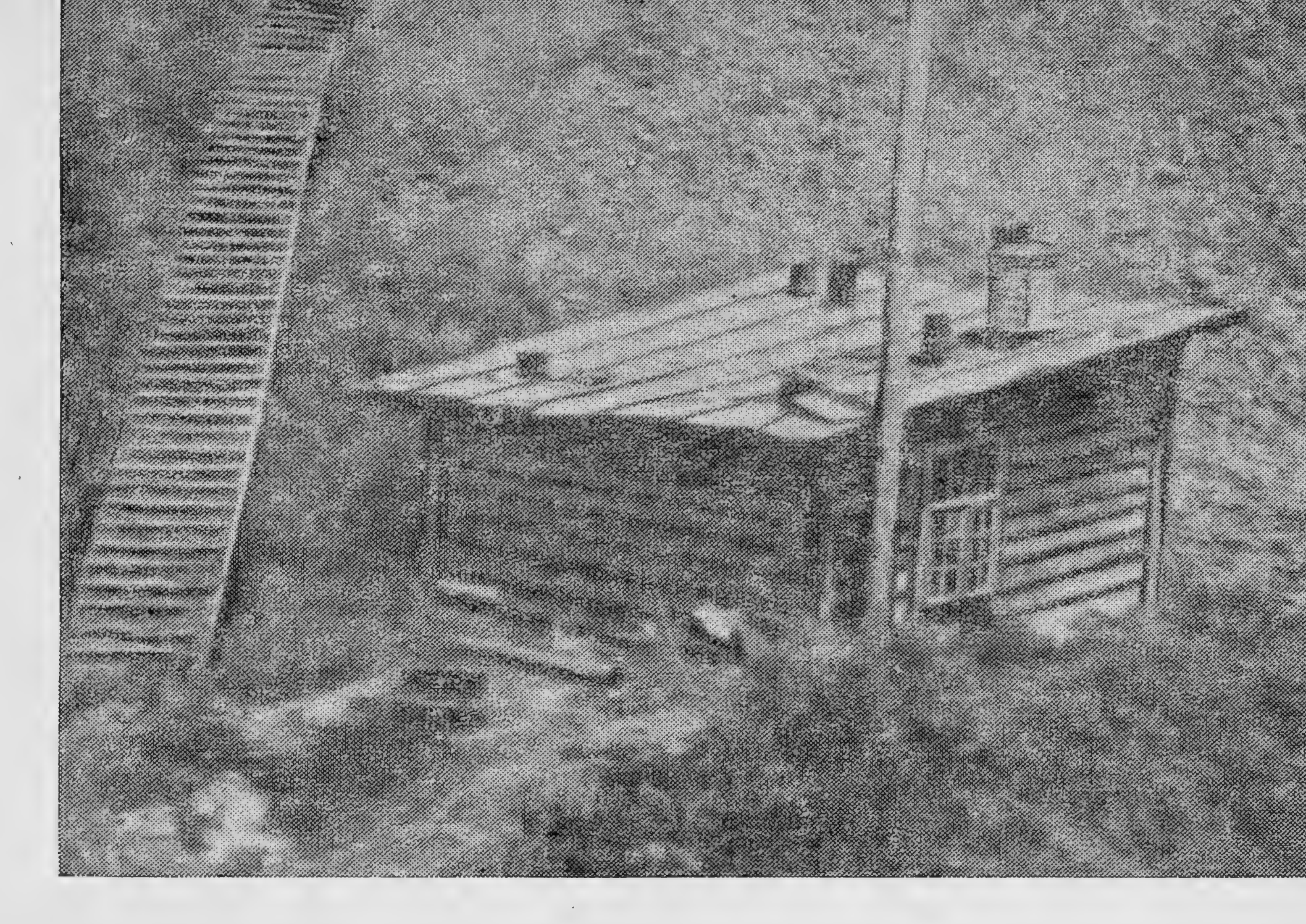
В селе Ворсме, которое находилось в той же Павловской вотчине, были мыловаренные, стальные и другие заводы. Продукция с этих заводов продавалась и в селе Ворсме, и в Павлове, и на Макарьевской ярмарке, и в Москве, и в Санкт-Петербурге. Кроме того, в Ворсме и в деревнях Ворсмской вотчины у разных крестьян было 128 кузниц. В них сами хозяева кузниц с наемными работниками производили топоры, ковши, замки внутренние и висячие, сошники, складные крестьянские ножи. Некоторая часть этого товара продавалась на торгах в ближайших селениях, другая часть и особенно складные ножи — скупщикам-крестьянам.

В Панинской и Саловарской вотчинах Шереметевых (Нижегородская губерния) в основном жили средние и бедные крестьяне. Но и в этих вотчинах имелось несколько кожевенных и кирпичных заводов, принадлежащих крестьянам, а также были кузницы, столярные, сапожные и шляпные мастерские. В кузницах вырабатывались слесарные изделия, главным образом висячие замки и ножницы. На заводах работали наемные рабочие как из крестьян Панинской вотчины, так и посторонние. Продукция с кожевенных заводов отправлялась на ярмарки и в Москву.

В других вотчинах Шереметевых также развивались промышленные крестьянские предприятия. В 1798—1800 гг. в селе Вощажникове Ярославской губернии имелось четыре кожевенных завода, один свечной и один мыловаренный; в Юхотской волости той же губернии была выстроена богатым крестьянином И. Тороповым бумажная фабрика.

Много крестьян из вотчин Ярославской губернии уходили на заработки по паспортам. В Вощажниковской вотчине в 1758 г. было выдано 184 паспорта, в 1762 г. — 240, в 1778 г.— 196. В Юхотской волости в 1803 г. «в наймах в летнее время было 1000 человек».

В Ветлужской вотчине Костромской губернии крестьяне «сверх хлебопашенства» занимались разными промыслами и имели 10 кожевенных заводов. Кожи закупались на ближних рынках, обрабатывались на этих за-

Кузница в с. Павлове, сохранившаяся от XVIII в.

водах, а затем из них шили сапоги, женские башмаки и другую обувь.

В Ветлужской же вотчине широко была распространена постройка небольших речных судов. Суда продавались приезжим с Вятки и Дона купцам или же нагружались сосновыми брусьями и тесом и сплавлялись в города, лежащие в низовьях Волги (Саратов, Сызрань, Астрахань).

В Молодотудской вотчине Тверской губернии основное занятие крестьян было земледелие. Но и из этой вотчины крестьяне шли на заработки, «ходили на стругах[1] из г. Белый в Ригу или в С.-Петербург на барках». В зимнее же время крестьяне занимались извозом (возили соль из г. Ржева в города Торопец и Великие Луки) и изготовляли ободы, кадки, ушаты, ведра, шайки, колеса. Крестьяне были на оброке, и это побуждало их заниматься промыслами как в своей деревне, так и в других местах.

Промыслы широко были развиты в XVIII в. и в южных вотчинах Шереметевых, где население в основном сеяло хлеб. Например, украинцы, населявшие слободу Алексеевку Воронежской губернии, хотя фабрик и не

[1] Струг — речное деревянное судно.

Крестьянин, уходящий на заработки. (С рисунка *Аткинсона* XVIII в.)

имели, но занимались пошивкой тулупов, черкесских свитков, обуви, шапок, производили колеса, кадки, гончарные изделия, ткани.

По дорогам Украины неторопливо двигались возы, запряженные волами. Это крепостные крестьяне-чумаки везли в Крым и на Дон продавать хлеб, а оттуда привозили соль и рыбу.

Таким образом, в вотчинах Шереметевых даже в черноземной полосе в связи с ростом промышленной крестьянской деятельности развивались товарно-денежные отношения.

Появились богатые крестьяне, которые покупали землю на имя помещика, строили крупные промышленные предприятия, где эксплуатировали наемный труд. Появились и бедные крестьяне, которые продавали свою рабочую силу Все это говорит о возникновении новых классов — буржуазии и рабочих, взаимоотношения которых основывались на капиталистической эксплуатации.

Крестьянин, уходящий на заработки. (С гравюры *Гейслера*. Конец XVIII в.)

Несмотря на то что в жизни крестьян XVIII в. обозначались новые явления, особенно в нечерноземной полосе, земля оставалась собственностью феодалов и крестьяне, в том числе и богатые, находились в феодальной зависимости от помещиков.

Н. П. Шереметев далеко не безразлично относился к наделению крестьян землей. Когда выяснилось, что крестьяне, занимавшиеся промыслом или работавшие в промышленных предприятиях, забрасывали земельные наделы или сдавали их в аренду, с его стороны последовал ряд распоряжений об обязательной обработке надельной земли крестьянами. Так, 23 ноября 1793 г. Н. П. Шереметев в своей инструкции старостам и крестьянам Ивановской вотчины писал: «Всем крестьянам-земледельцам, обрабатывающим своими руками в полях земли, иметь на тягла 6 десятин, торговцам и ремесленникам — 1 десятину... Если из земледельцев который крестьянин, не желая обрабатывать своей тяглой земли, сам отдаст

в наем оную своему же крестьянину, то с той земли снятой... хлеб весь взять на меня и с обоих крестьян, то есть который отдает в наем и который возьмет, взять штрафу по 10 рублей, а вотчинные командиры за слабое свое смотрение и допущение к тому, внести имеют 25 руб. штрафу. Если же отдаст стороннему, то вдвое заплатить должны и отдатель и вотчинные командиры также и самого того поселка, ибо каждый о соседе своем должен ведать, сам ли он обрабатывает свою землю или наймом, о чем и должны объявлять вотчинному населению».

Но все эти усилия помещика были обречены на неудачу. Когда в 1796 г. Н. П. Шереметев повторил угрозу в адрес крестьян-земледельцев, не обрабатывающих свои земли, они написали следующее заявление: «Хотя де и велено к обрабатыванию земель крестьян понуждать, а в случае необрабатывания платить за то штраф и за отлучавшегося отвечать всем селением, то всего ж де выполнять неможно, потому что они имеют от их промыслов, кто к чему заобык, гораздо превосходнее прибыль, нежели от хлебопашества, почему де до сего многие и перешли из деревень в село, а от хлебопашества никакой прибыли им нет».

Этот процесс отделения крестьян от земли имел место не только в Ивановской, но и в других вотчинах Шереметева, о чем свидетельствуют повеления графа. В 1796 г. инструкция, аналогичная ивановской, была доведена до сведения крестьян подмосковных сел: Никольского-Хинки, Константиновского, Маркова, Осташкова. По этой инструкции все крестьяне, в том числе торговцы и ремесленники, должны были иметь определенное количество земли. Такое же распоряжение было направлено и в Юхотскую волость. В нем, между прочим, говорилось: «Известно мне, что в оной вотчине многие достаточные крестьяне у бедных тягловые земли и сенные покосы скупили и, оными пользуясь, отдают вотчинным же крестьянам в наем, но так как выше сказано, что крестьяне тягловую землю продать и закладывать не властны, а посему все таковые продажи уничтожить и быть всем тем землям общественными и впредь таковых продаж воспретить».

Все эти новые явления в положении крестьян имели место главным образом в тех вотчинах Шереметевых, которые были на оброке.

Характеризуя крепостническое хозяйство, Владимир Ильич Ленин писал: «...в крепостном хозяйстве орудием эксплуатации является *прикрепление* работника к земле, наделение его землей... наделенный землей крестьянин должен быть *лично зависим* от помещика, ибо, обладая землей, он не пойдет на барскую работу иначе как *под принуждением»* [1].

Шереметевы широко применяли систему насилия над зависимыми крестьянами. Крестьянин был прикреплен к земле. Он без разрешения помещика не мог переселиться не только из одной вотчины в другую, но даже в пределах вотчины из деревни в село. Крестьянин находился в личной зависимости от помещика; он не мог распорядиться своим имуществом, не мог закладывать свою усадьбу и землю. За всякую «дерзость» крестьянин мог лишиться того, что ему принадлежало. После смерти своего отца сын получал имущество только с разрешения помещика.

Н. И. Тургенев расска-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 66.

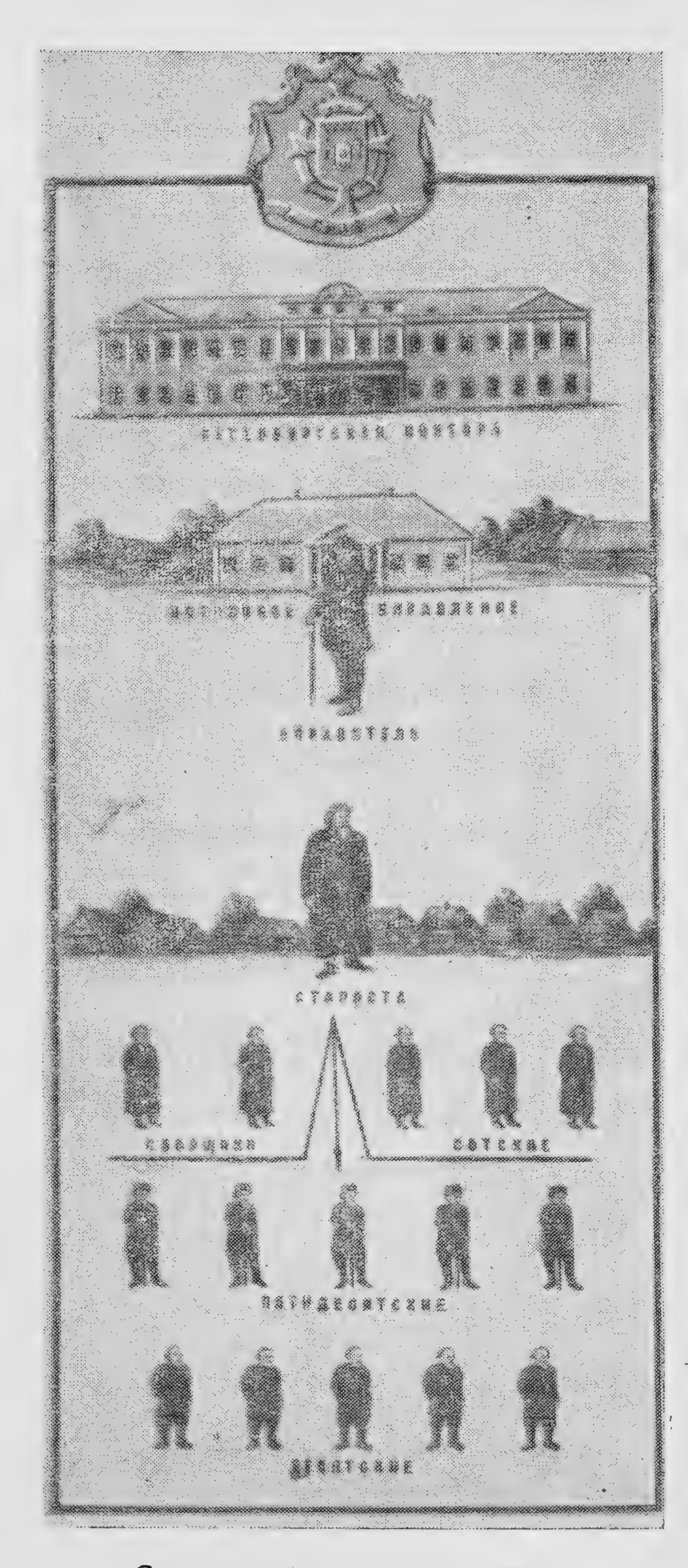

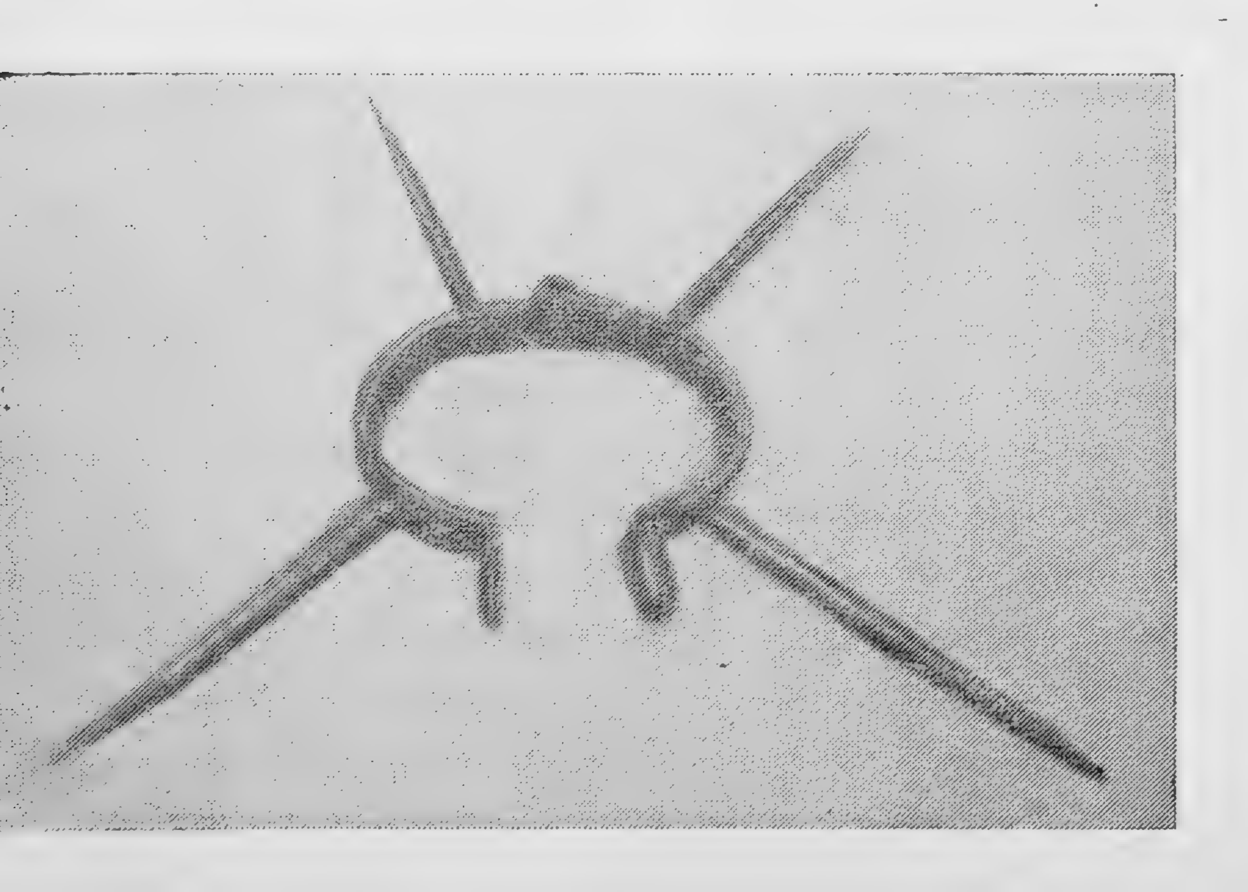
Схема управления в вотчинах Шереметевых

зывает о таком случае: «Недавно умер один из крестьян Шереметевых, занимавшихся в Москве торговлею. После него остались, кроме другого имущества, 50 000 рублей капиталу, положенного в ломбард. Его дети, которых умершему при жизни удалось выкупить на свободу и записать в гильдию, конечно, пожелали получить наследство, оставшееся после отца. Но граф потребовал его в свою пользу на том основании, что крестьянин был его крепостной. Начался процесс, суд не мог не признать прав господина и присудил ему капитал, граф получил его, а дети лишились наследства».

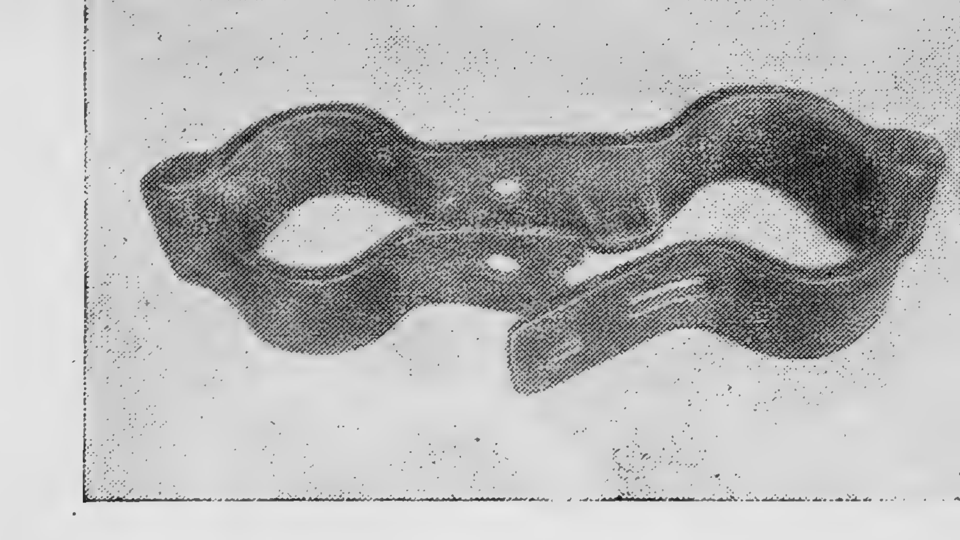
Браки крестьян допускались только с согласия помещика. Женившимся без его согласия «чинилось жестокое наказание». С другой стороны, на крестьян не старше 59 лет, не желавших жениться, накладывался штраф в количестве трех рублей в год. Вдовы же не страше 45 лет и девушки 17 лет, отказавшиеся выходить замуж, штрафовались работой: они дополнительно косили сено, жали и мололи барский хлеб.

Помещик имел право продать и купить крестьян. Крестьянин при продаже с землей в 60-х годах XVIII в. стоил 30 руб., в 80-х — 80 руб., в 90-х — 200 руб. При продаже в одиночку, без земли, цены были различны — от десятков рублей за взрослого до нескольких рублей и даже копеек за детей. Люди, обученные какому-нибудь ремеслу, ценились дороже. В 1804 г. Н. П. Шереметев продал своих музыкантов (36 человек с инструментами и нотной библиотекой) дирекции императорских театров за 50 тыс. руб.

Крепостничество было основано на угнетении самой личности человека-труженика. При крепостном праве, писал В. И. Ленин, не могло быть ничего подобного тому, что принято называть чувством собственного досто-

Рогатка—железный ошейник с железными шипами (Государственный исторический музей.)

Ручные кандалы.

инства [1]. В вотчинах Шереметевых к крестьянам применялись всевозможные наказания: штрафы, ссылка в Сибирь, отдача в рекруты, телесные и другие наказания, унижающие человека. В инструкции П. Б. Шереметева 1764 г. говорится: «Наказывать крестьян не только содержанием под караулом на хлебе и воде в судной избе, но и штрафами, телесными наказаниями и ссылкой на поселение в Нерчинск». Орудиями телесных наказаний были розги, плети, батоги, железные кандалы, рогатки, стул с цепью. В вотчинных правлениях оборудовались специальные «колодничьи покои» — камеры пыток, где производились телесные наказания крестьян.

В 1804 г. управляющий Ивановской вотчиной держал крестьянина якобы за упорство и непослушание под стражей на хлебе и воде больше двух месяцев. Насколько тяжело было содержание под арестом, видно из того, что имелись случаи самоубийства крестьян.

В 1785 г. крестьяне, посланные рыть пруд в усадьбу Кусково, наказывались батогами за то, что убегали от непосильной работы. В 1794 г. крестьянин Гусев был посажен старостой на стул с цепью на целую неделю.

Помимо арестов и телесных наказаний, Шереметев отдавал провинившихся крестьян в рекруты. А если они по состоянию здоровья в армии быть не могли, их ссылали в Сибирь на поселение.

Подобное угнетение человеческой личности особенно тяготило крепостную интеллигенцию, мешало полному раскрытию ее творческих сил и возможностей. Созданием Останкинского дворца по существу ограничилась творческая работа талантливого крепостного архитектора Шереметевых П. И. Аргунова. Были надежды возвратиться к любимому делу, когда в Москве строился дом в память крепостной артистки П. И. Ковалевой-Жемчуго-

[1] См.: В. И. Ленин, Сочинения, т. I, стр. 394.

Наказание крестьянина батогами в присутствии помещика.
(С гравюры *Х. Г. Гейслера* конца XVIII в.)

вой. Но Шереметев ответил отказом, заявив, что Аргунов необходим ему в Петербурге. В чем же заключалась эта необходимость? Об этом говорится в приказе Н. Шереметева: «... вменить в обязанность П. И. Аргунова следить за сохранностью мебели и расстановкой ее во время приема гостей, а также наблюдать за работой крепостных крестьян».

Не легче было положение и другого крепостного архитектора А. Ф. Миронова, обслужившего два поколения Шереметевых. Он много потрудился при строительстве Останкинского дворца и Кусковской усадьбы.

А. Ф. Миронов непрерывно подвергался преследованию со стороны вотчинной администрации. Ему поручали не свойственные архитектору работы, и он возмущенно писал Шереметеву, что «из архитектора его хотят сделать подьячим, что должность архитектора сама по

себе требует немалого упражнения как в теории, так и в практике и требуется свободность мысли и спокойный дух, а когда дух огорчен и мысли будут отвлечены, то кто может в таких обстоятельствах быть архитектором»[1].

Известна резолюция (1807 г.) Н. Шереметева на второе заявление А. Ф. Миронова об освобождении его от крепостной зависимости: «Вразумить Миронова, что таким наглым образом от господина просить ничего не дозволено». В первом заявлении А. Ф. Миронов писал: «Жестокость моей болезни приводит меня в крайнее изнеможение, частые припадки расслабили все мои суставы, они сделали меня совсем неспособным исправлять должность свою... благоволите отпустить меня на волю, дайте спокойно окончить остаток дней моих». Последние свои годы сильно больной А. Ф. Миронов доживал в Кускове, в развалившейся, холодной, сырой комнате. Но и тогда граф Шереметев не дает Миронову покоя. Он пишет своему управляющему, что «в нем царствует лень и упрямство», и приказывает старому, больному человеку «чертить планы и подписывать бумаги».

Композитор С. А. Дехтерев, образованный и культурный человек, известный в музыкальных кругах, страшно томился сознанием своего крепостного состояния. Даже он, писал академик Никитенко, подвергался унизительным наказаниям.

Телесные наказания применялись и к артистам. В повелении Шереметева указывается: «...девочек, которые окажут нерадение... ставить на колени, сажать на хлеб и воду; мальчиков сечь». Секли и сажали под стражу и взрослых актеров и даже руководителей труппы. В 1797 г. под стражей сидели первые танцовщики балета Кузьма Сердоликов и Василий Воробьев[2].

Крепостная интеллигенция была значительной прослойкой среди тысячи дворовых людей Шереметевых. Архитекторы П. И. Аргунов, Ф. С. Аргунов, А. Ф. Миронов сыграли особенно большую роль в строительстве шереметевских дворцов и усадьб.

Строительство Останкинского дворца неразрывно связано с именем Павла Ивановича Аргунова. Пройдя курс

---

[1] Н. А. Елизарова, Останкино, изд. «Московский рабочий», М., 1955, стр. 76.

[2] Н. А. Елизарова, Театры Шереметевых, М., 1944, стр. 327.

живописи у своего отца, крепостного художника И. П. Аргунова, он обучается архитектуре в школе Баженова в Москве и один год непосредственно под руководством самого Баженова в Петербурге.

В 1798 г. строительство Останкинского дворца пришло к концу. На фоне тенистого парка величественно выглядел бледно-розовый дворец с белыми стройными колоннами. Дворец интересен не столько внешней архитектурой, сколько отделкой и художественным убранством своих многочисленных залов.

П. И. Аргунов отделывал во дворце всю верхнюю анфиладу залов, проектировал обработку фасадов, много труда вложил в строительство театра; по его эскизам набирали цветные паркеты. Лучшим его сооружением является круглый зал дворца (ротонда).

В украшении залов Останкино отдельные крепостные художники проявили большое умение и вкус. Например, трудно поверить, что тонкие, изящные листки сделаны из дерева. Дошли до нас имена талантливых крепостных: резчика Ивана Мочалина, декоратора Григория Мухина. Все лучшие паркеты дворца были сделаны крепостными мастерами.

Строительные работы в Петербурге и в усадьбе Кусково связаны с именем крепостного архитектора Федора Семеновича Аргунова, относящегося к старшему поколению Аргуновых. До настоящего времени сохранилась интересная его работа — грот в Кускове. Внутри он целиком отделан разноцветными раковинами.

Из семьи Аргуновых вышли не только архитекторы, но и художники. Особенно большое место в русской живописи середины XVIII в. принадлежит Ивану Петровичу Аргунову. Его работы можно видеть в музеях Москвы и Ленинграда, а также в музеях областных, краевых центров. В многочисленных портретах знатных вельмож, которые он писал по заказу своего барина, он умел создавать яркие выразительные образы, наделять их характерными индивидуальными чертами.

В Останкинском дворце имеются также работы художника Н. И. Аргунова. В созданной им галерее портретов представлены все слои общества: сановники, придворные вельможи, купцы, промышленники, крестьяне.

Исключительное место в творчестве шереметевских дворовых занимал театр. «В саду расположен театр, —

Автопортрет крепостного художника *Н. И. Аргунова*

писал один иностранец, посетивший в 1793 г. Кусково, — преисполненный вкуса, почти всюду внутри золоченый и поэтому весьма похожий на королевский театр Версаля... Среди актеров и актрис, а ровно среди танцовщиков и танцовщиц... все графские крепостные крестьяне и крестьянки, которых он по своей инициативе задумал воспитать и образовать для театрального искусства».

В 90-х годах XVIII в. театральные представления были перенесены из Кускова в Останкинский дворец-театр.

Выдающейся артисткой крепостного театра Шереметевых была Прасковья Ивановна Ковалева-Жемчугова (1768—1803), дочь кусковского крепостного кузнеца. Она отличалась редкой красоты голосом, музыкальной одаренностью и артистическим талантом.

Семи лет Ковалева была взята в барский дом, с 10—11 лет стала впервые выступать на сцене. 15 декабря

Крепостная актриса *П. И. Ковалева-Жемчугова.*

1798 г. Н. Шереметев подписал ей «вольную», а через пять лет, 23 февраля 1803 г., она умерла от обострившегося туберкулеза.

Образ П. И. Жемчуговой вошел в историю русского театра как олицетворение народного таланта, загубленного условиями крепостничества.

Лучшей танцовщицей театра Шереметевых считалась Т. В. Шлыкова, по сцене Гранатова. Она танцевала легко и выразительно, создавая художественные образы, отличающиеся предельной задушевностью и теплотой.

Среди крепостных музыкантов особенно славились композитор С. А. Дехтерев, музыкальный руководитель театра, В. Володимеров, игравший на первой скрипке, И. А. Батов, известный скрипичный мастер. Дехтерев посылался в Италию для усовершенствования своего мастерства, написал около 60 прекрасных концертов и несколько ораторий, в том числе «Минин и Пожарский». Режиссером и переводчиком был В. Г. Вороблевский, весьма одаренный человек [1].

Искусство крепостных крестьян характеризовалось демократической направленностью, несмотря на то что оно должно было удовлетворять запросы господствующего класса. Крепостные архитекторы вводили в архитектуру мотивы, близкие к народному зодчеству; художники писали правдивые портреты; артисты создавали на сцене впечатляющие образы простых людей, в программу выступлений вносили русские песни. Например, В. Г. Вороблевский, крепостной писатель Шереметевых, при переводе пьес для крепостного театра часто использовал простонародную речь, вкладывая ее в уста действующих лиц. В. Г. Вороблевский выбирал для переводов не развлекательные произведения, а такие, которые в большинстве своем содержали критику абсолютизма и феодальных порядков, осмеивали «дворцовые» праздники с их фальшивым блеском, невежественных придворных учителей, самих придворных.

Крепостные художники-декораторы играли большую роль в самом убранстве дворца в Останкино. Они расписывали двери, стены и потолки разнообразными орна-

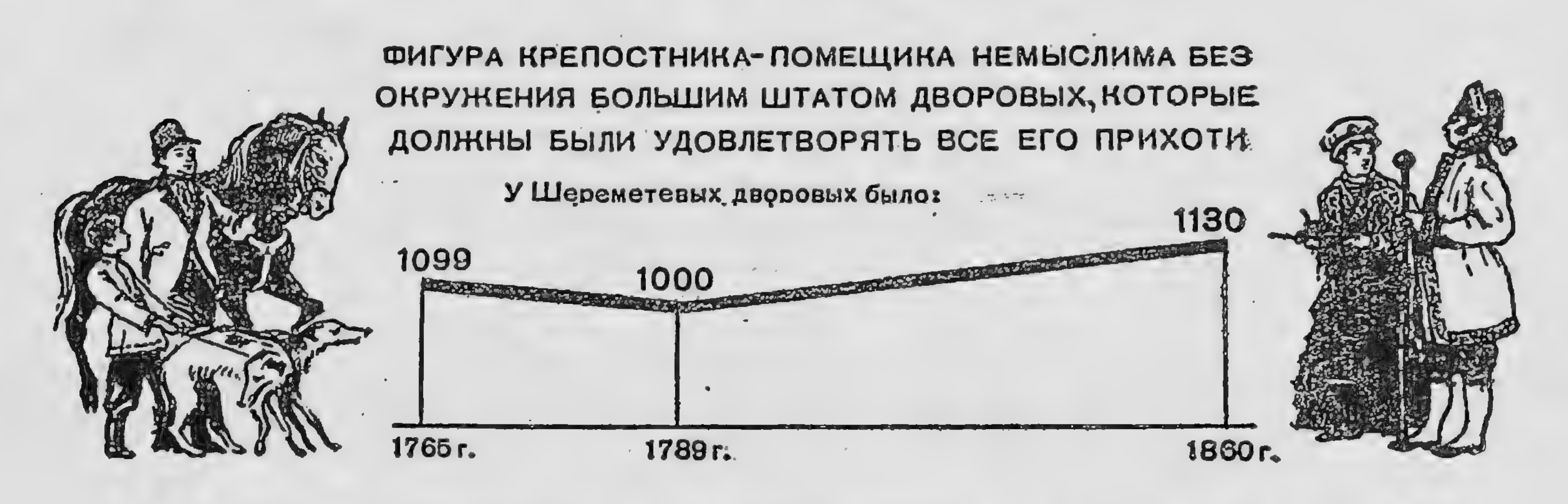
[1] См.: Н. А. Елизарова, Театры Шереметевых, М., 1944, стр. 303—311, 360—364.

Крепостная балерина *Т. В. Шлыкова-Гранатова.*

ментами. Проходя по залам, вы видите или сочетание одного-двух цветов в разных тонах, или же сочетание многих цветов. Голубые, зеленые, розовые и красные, светлые тона сливаются перед вами в сплошную гамму. При этом живописец не боится иногда смелых красочных сочетаний, чудесно подбирая оттенки цветов.

Кто же эти художники декоративной живописи, работавшие в Останкино? Это крепостные живописцы К. М. Фунтусов, Г. С. Мухин, С. А. Калинин. Все они были очень молоды: от 20 до 23 лет [1].

Количество дворовых у Шереметевых в XVIII и в XIX вв.

Помимо крепостной интеллигенции, при дворе Шереметевых жило много дворовых людей, обслуживающих помещика. Дворовые разделялись на артели, например: лакейская, официантская, камердинерская и др. У Шереметевых было большое количество лакеев. В лакеи принимались люди видные, рослые, проворные. При выезде господ сопровождали кучера, гайдуки [2], форрейторы [3]. На скотных и конных заводах работали скотники, скотницы, конюхи. Большое количество дворовых людей обслуживало кухню и стол помещика: повара, скатертники, хлебники, котельники, ключники и другие. В 1808 г. в Фонтанном доме Шереметевых в Петербурге таких дворовых людей было 58 человек. Немалое количество было прачек, девушек для глажения белья, горничных и др. Огромный штат дворовых Шереметевых

---

[1] См.: М. П. Башилова, Крепостные художники, М., 1949, стр. 8—9.

[2] Гайдук — выездной лакей времен крепостного права.

[3] Форрейтор — кучер, сидящий верхом на одной из передних лошадей при запряжке их цугом (в три или две пары).

Ливреи дворовых Шереметевых.
(С рисунка XVIII в. Государственный исторический музей.)

часто не выполнял никакой производительной работы, держался исключительно для этикетов и выездов.

Значительное количество дворовых людей обслуживало всевозможные забавы помещика: псовая охота, зверинец, особое помещение для заморских птиц и др.

К обслуживающему персоналу необходимо отнести и гребцов. Обычно гребцы не только катали господ на лодках и яхтах, но и должны были услаждать их слух пением.

Дворовые люди Шереметевых, находившиеся под рукой помещика и его управителей, подвергались всевозможным наказаниям: аресту, отдаче на различные принудительные работы, в рекруты, ссылке в Сибирь на поселение, телесным наказаниям. Сохранилось повеление Н. Шереметева отдавать дворовых за провинность на Шлиссельбургскую фабрику. Малейший проступок дворового подводился под «продерзость», и его неминуемо ожидала расплата. Сознание своей крепостной зависимости, сознание того, что они, как вещь, принадлежат другому человеку, болью отдавалось в душе дворовых людей. У Шереметева имелись даже записные книжки, куда вносились фамилии наказанных крестьян. В записи за 1798 г. мы читаем: «Алексей Белов за отлучку со двора наказан розгами; столяр Алексей Шибанов за отлучку с работы наказан розгами при собрании всего кусковского народа» и т. д.

О положении дворовых декабрист П. И. Пестель писал: «Дворовые люди суть самое жалкое состояние в целом пространстве Российского государства... Дворовый человек всю жизнь служит своему господину и ни на какую надежду права не имеет: одна воля барина всю его участь составляет до конца его жизни» [1].

Из сохранившейся описи имущества умершего кусковского печника Семена Алексеева за 1794 г. видно, что всего имущества у него было на 3 руб. 50 коп.: ветхие рубашки, кафтан, тулуп, кушак.

Крепостные крестьяне были почти совершенно бесправны перед лицом помещика. А. Н. Радищев писал: «Помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судья, исполнитель своего решения, и по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не

---

[1] П. И. Пестель, Русская правда, стр. 90.

Дворовый, работающий в кусковском зверинце. (Деталь с гравюры XVIII в. Из альбома «Кусково».)

смеет. Се жребий заклепанного в узы, се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий вола в ярме»[1].

В. И. Ленин, характеризуя крепостнические порядки, писал: «Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков»[2].

Усиление эксплуатации и угнетения крестьян неизбежно вело к классовой борьбе. В. И. Ленин писал, что условия крестьянской жизни порождают, помимо воли и сознания крестьян, действительно революционное озлобление против поборов и готовность решительной борьбы со средневековьем[3].

Еще до крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева (1773—1775) в вотчинах Шереметевых произошло три восстания крестьян. Одно — в 1752 г. в Молодотудской вотчине Ржевского уезда. Молодотудская вотчина Шереметевых давно была известна жесто-

---

[1] А. Н. Радищев, Сочинения, т. I, М.—Л., 1938, стр. 378.
[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 387.
[3] См.: В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 389.

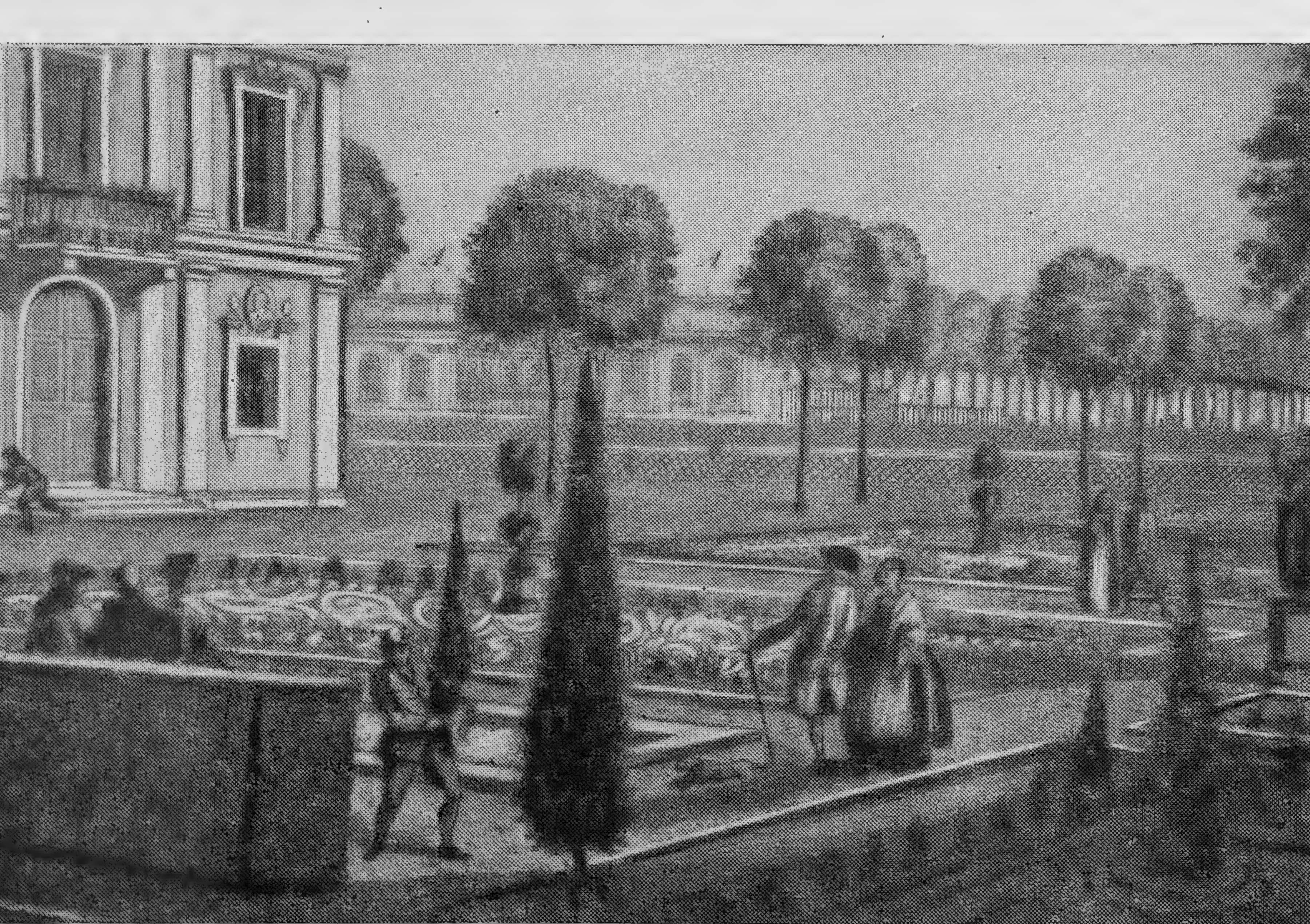
кими мерами взыскания оброка. Нет ничего удивительного, что первое восстание крестьян произошло в этой вотчине. Оно выразилось в том, что крестьяне перестали собирать и платить положенные оброчные деньги.

Из Петербурга от П. Б. Шереметева последовало предписание: «за такое их ослушание и противность учинить им наказание». Служитель графа обратился в сенат с просьбой послать в Молодотудскую вотчину солдат «для подавления крестьян, которые оказались «ослушны» господину своему и оброчных денег не платили». Сенат защитил интересы помещика. Команда Вятского пехотного полка подавила сопротивление крестьян.

Второе восстание произошло в декабре 1766 г. в Панинской вотчине Нижегородского уезда. Причиной волнений был непрерывный рост оброка. В 1765 г. он увеличился вдвое по сравнению с 1750 г.

П. Б. Шереметев приказал собирать оброк, «не принимая от крестьян никаких на то отговорок и челобитен, а ежели в Москву явятся челобитчики, то их наказать». Крестьяне же отказались платить столь высокий оброк и «других к тому неплатежу возмущали и совсем тот платеж остановили». «Для укрощения оных возмутителей» в Панинскую вотчину приехали выборные села Павло-

Посадка крепостным садовником растений в регулярном парке с. Кускова
(Деталь с гравюры XVIII в. Из альбома «Кусково».)

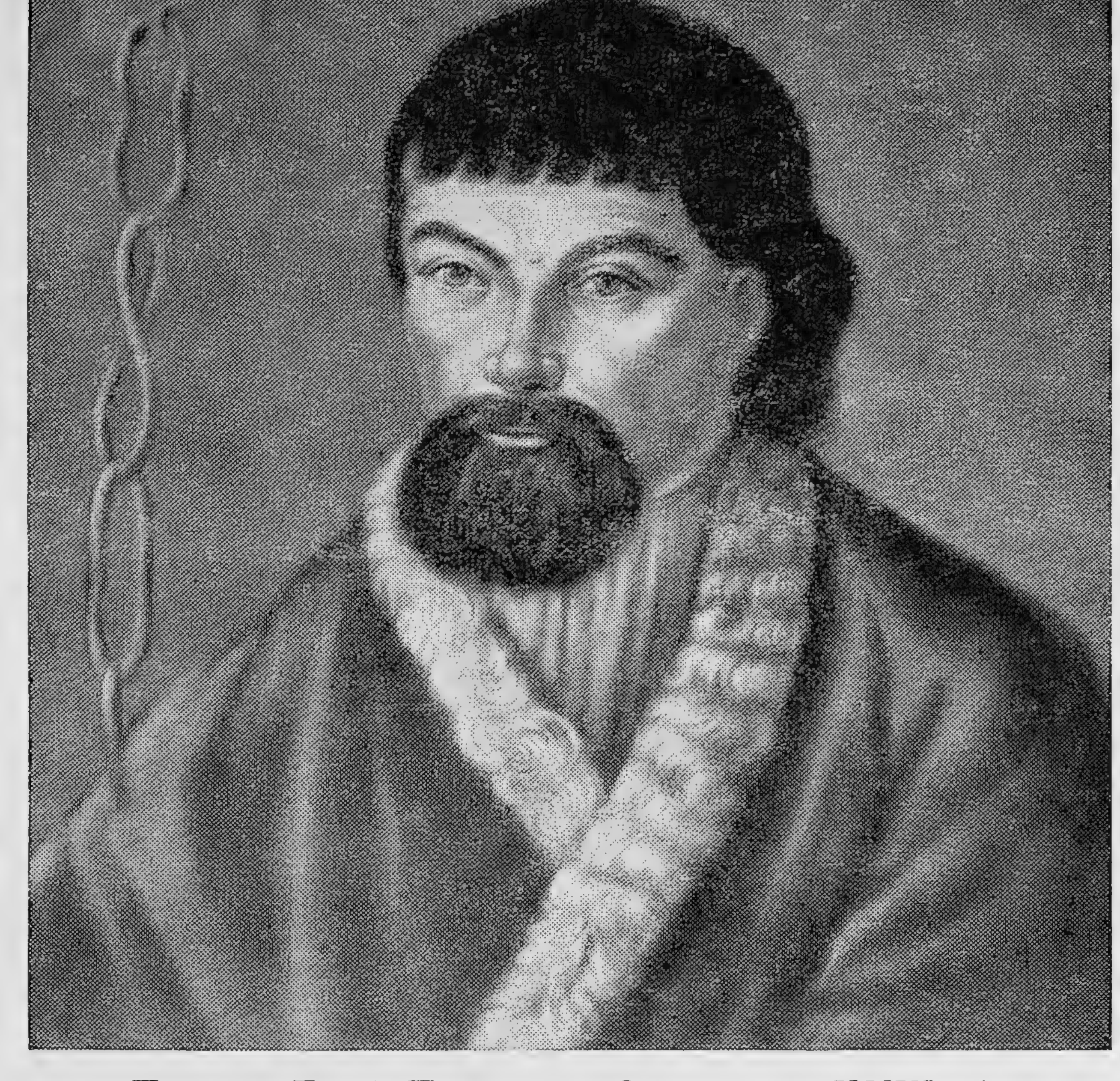

ва — капиталистые крестьяне Вырыпаев и Щипахин. Они уговаривали крестьян не противиться графским указам, принуждали их к платежу оброка, но крестьяне отвечали, что не хотят платить полной оброчной суммы. В конце декабря четырех крестьян, как организаторов «бунта», наказали плетьми в панинской судной избе.

После подавления восстания за крестьянами усилили административный надзор. Во главе Панинской вотчины были поставлены те же капиталистые крестьяне Вырыпаев и Щипахин. Но вскоре в Московское домовое правление поступила челобитная поверенного крестьянина И. Я. Ястребова, в которой указывалось, что «выборные А. Вырыпаев и М. Щипахин чинят в вотчине всякие непорядки, от которых все вотчинские крестьяне разорились вконец, а другие, оставя свои дома, бежали неведомо куда. Оные выборные Вырыпаев и Щипахин сами в Панинской вотчине смотрения не имеют, для сборов не ездят, а посылают для сбору денег для одного надругательства над крестьянами казаков. Для сбора денег возят с собою по деревням в цепях маломочных крестьян, которые заплатить в скудности не могут. Бьют.... плетьми, продают последний домовый скарб. Другие же, чтобы избавиться от их мучений, берут паспорта для отлучки от вотчины в другие места с намерением не возвращаться, а другие же, от всего отступясь, бежали многое число». В заключение челобитной Ястребов просил определить в вотчину служителя.

Третье восстание крестьян произошло в том же 1766 г. в Знаменской вотчине Симбирского уезда Казанской губернии. Эта вотчина была организована беглыми крестьянами князя А. М. Черкасского на пустых землях. Когда же эта вотчина перешла к П. Б. Шереметеву, он попытался установить в ней крепостнические порядки. В селе Знаменском появился помещичий дом, вотчинная администрация, приказная изба и тюрьма. Беглые крестьяне, уже забывшие крепостное право, вновь попали под власть помещика. В селе вспыхнуло восстание, продолжавшееся в течение года и подавленное с большим трудом.

Поводом для крестьянского выступления явились притеснения со стороны приказчика. В июне 1765 г. крестьяне отправили в домовую канцелярию челобитную, в которой жаловались на взяточничество и злоупотребле-

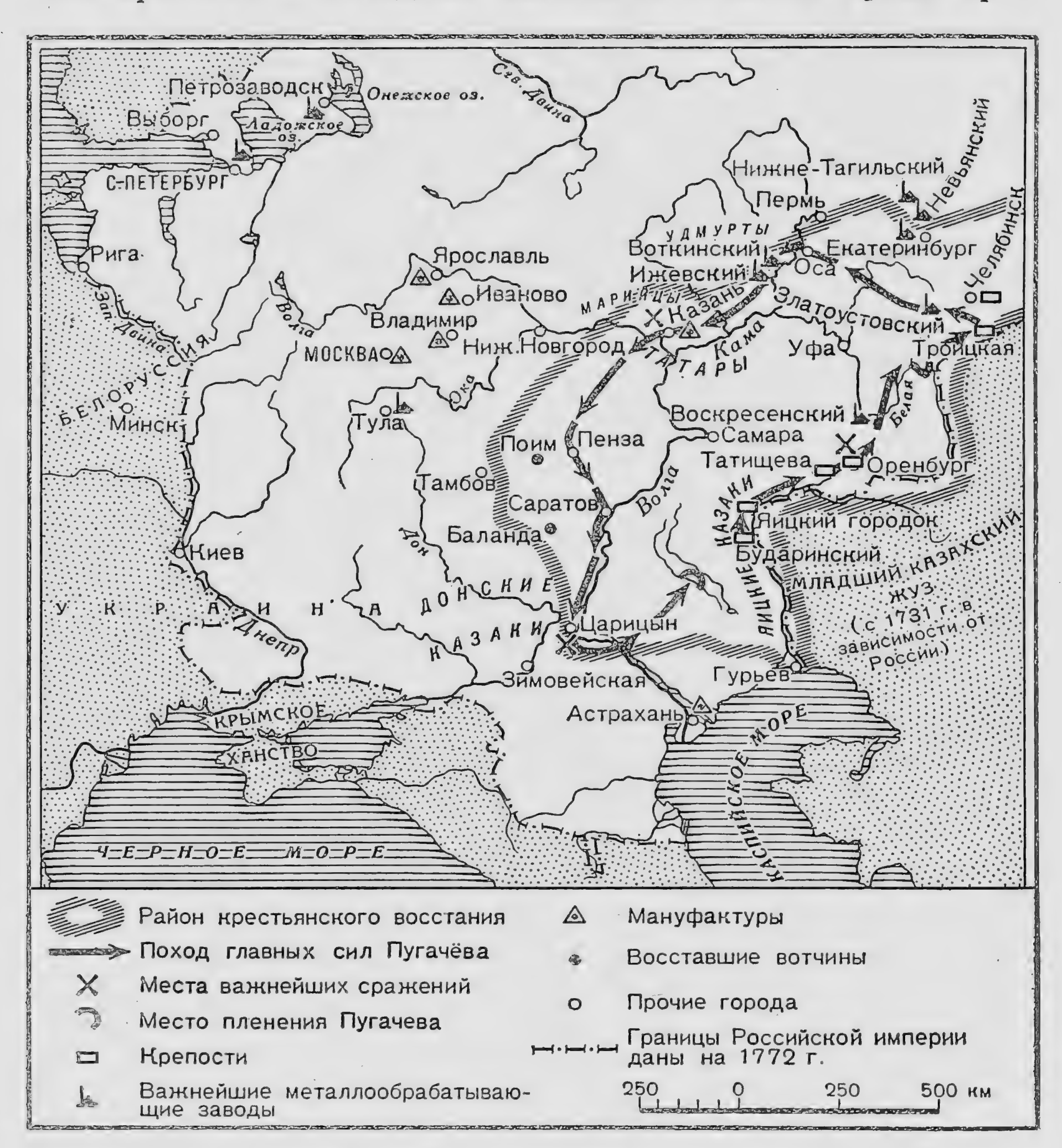

Портрет Е. И. Пугачева. (С гравюры XVIII в.)

ния приказчика и просили защиты. Крестьяне писали, что приказчик и староста собирают лишний оброк, берут взятки, держат крестьян на цепи, наказывают батогами, штрафуют без всяких на то причин, заставляют обрабатывать собственную пашню, продают крестьянскую землю и угодья. Защиты не последовало. Тогда крестьяне написали вторую, третью и четвертую челобитные. Ожидая ответа из Москвы, они перестали платить подати и выполнять указания старосты. Так началось восстание, которое было направлено против феодально-крепостнических порядков.

В ходе восстания крестьяне схватили ненавистного приказчика, посадили его в вотчинную тюрьму под караул и никого к нему не допускали. В восставшую вотчину Шереметев направил нарочного с приказом «усмирить бунт», но крестьяне отказались слушать графского слугу. Они сами избрали нового земского и сборщиков податей. Восставшие добились удовлетворения своего требования — в село был назначен новый приказчик.

Крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева глубоко потрясла дворянскую империю. Обещания Е. И. Пугачева, выраженные в его манифесте от 31 июля 1774 г., наградить всех крестьян вольностью и свободой, а также землями, правом рыбной ловли без оброка, освободить от податей, казнить дворян — разорителей крестьян — находили живейшие отклики среди кре-

Восстание Пугачева (1773 — 1775 гг.).

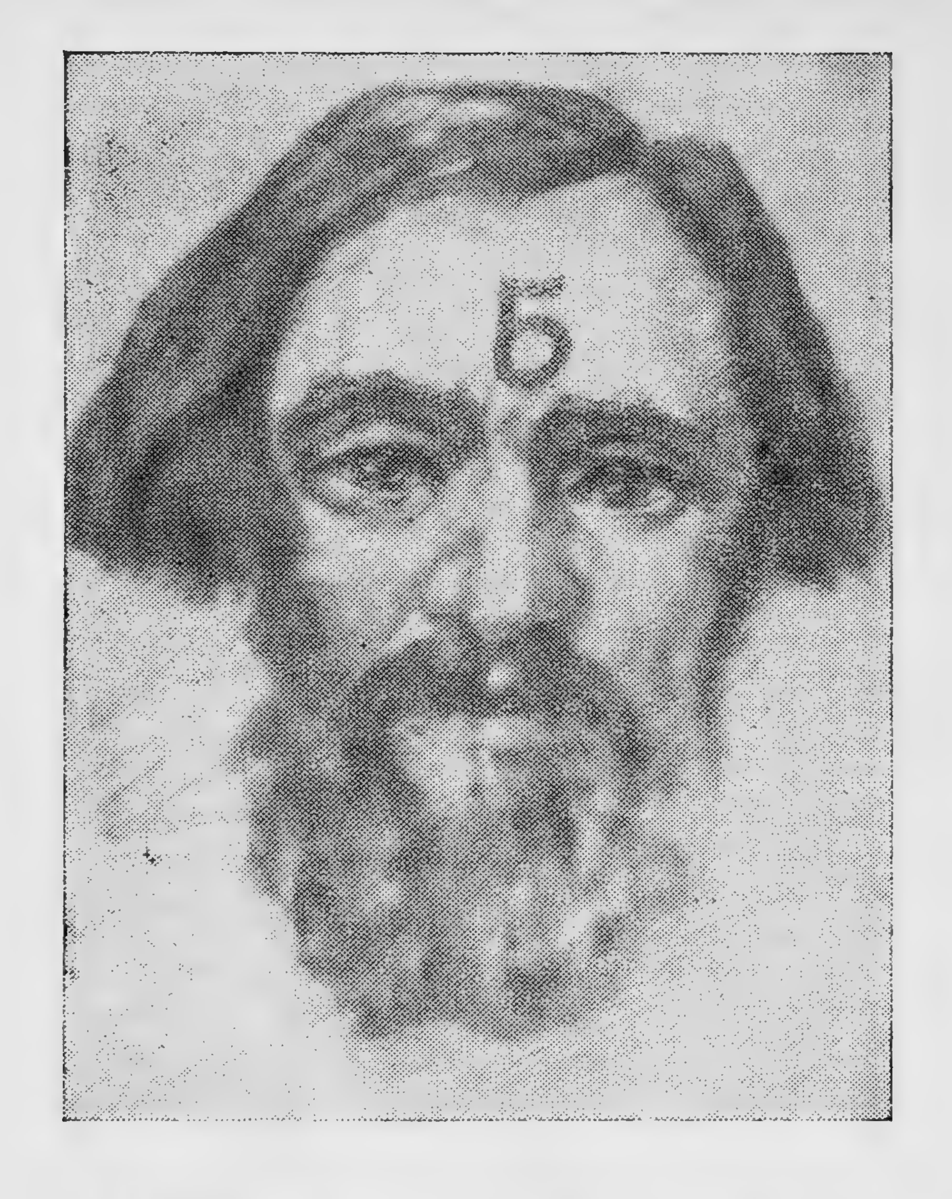
Карты составлены по материалам Останкинского дворца-музея творчества крепостных.

стьян России, а также среди крестьян шереметевских вотчин. Особенно они проявились в тех вотчинах, через которые проходило движение Пугачева. Это были Поим Верхоломовского уезда и Баланда Пензенского уезда. В Поиме стояла в 1774 г. команда одного из отрядов Пугачева, а под Баландой в том же году произошло сражение пугачевского отряда с правительственными войсками. Среди взятых в плен при слободе Баланде пугачевцев значились два крестьянина села Поима — С. Михайлов и А. Панков.

После подавления восстания Пугачева крестьянское движение в вотчинах Шереметевых не прекращалось. В 1780 г. было волнение крестьян в Кромском уезде Орловской губернии. Но особенно сильное крестьянское движение, принимавшее характер восстания, было в Алексеевской вотчине Воронежской губернии.

Первое восстание поднялось в Алексеевке в 1789 г. и было направлено против приказчика Алабушева, который творил «суд и расправу по своей воле» и заставлял крестьян обрабатывать на себя землю. В 1798 г. произошло второе восстание, вызванное не только гнетом со стороны вотчинного начальства, но и все увеличивающимися повинностями крестьян. Это восстание, поднятое писарем В. Никитенко, вскрыло тяжелое положение крестьян, угнетенных приказчиками, атаманами и другими богатыми крестьянами, которые бесконтрольно распоряжались в вотчине, злоупотребляли во время сдачи рекрутов, незаконно, без мирских приговоров, собирали деньги с крестьян, торговали хлебом из мирского магазина, заставляли крестьян бесплатно возить пшеницу атаманам и писарям. Движение крестьян выразилось в низложении всех начальников и выборе на громаде (общем собрании крестьян) управителем вотчины Никитенко. Он еще мальчиком был взят в графский хор, а позже его назначили писарем в богатую слободу Алексеевку. Движение крестьян было подавлено. Никитенко был арестован, отправлен в Москву и посажен в колодничью.

Как жестоко был наказан В. Никитенко за поднятое им восстание, видно из его прошения в 1800 г. Он писал, что не имеет больше сил сидеть в колодничьей, болят ноги, иссохлись обе руки и сильная боль в груди и в голове. На это прошение граф ответил: «...чтобы его

Крестьянин с клеймом «Б» (бунтовщик). (С рисунка художника *Жегина.*)

(Никитенко) яко возмутителя предать суждению по законам, что может служить только острасткой прочим».

Сын В. Никитенко, Александр, писал, что его отец, крепостной писарь, в те годы «вообразил себя, что избран дать другое устройство своей родине, установить равновесие между людьми привилегированными и бедными и учредить такой порядок, чтобы последние всегда находили защиту против самодурства и произвола первых. Мысль эта до того овладела им, что он забыл всякую осторожность и скудность средств, какими располагал для борьбы со злом» [1].

В 1796—1797 гг. вспыхнуло восстание крестьян в Михайловской вотчине Курской губернии. Это восстание было вызвано тяжестью повинностей и жестокими притеснениями крестьян со стороны приказчика. Движение развивалось под лозунгом: оставить помещику 3 деревни и платить ему оброк не 5 руб., а 2 руб.

Обострилась классовая борьба в Ивановской и Павловской вотчинах. Крестьяне устраивали поджоги, выступая против крепостнических порядков и «капиталистых» крестьян. В Павловской вотчине в конце XVIII в. было сильное движение против зажиточных крестьян со

[1] А. Никитенко, Дневник, т. I, стр. 8.

Восстания и волнения крестьян в вотчинах Шереметевых в XVIII в.

стороны крестьян последней статьи. В 1798 г. они составили коллективную жалобу в Московскую контору на «капиталистых» крестьян, допускавших равную раскладку оброка как на богатого, так и на бедного крестьянина. Впоследствии крестьянин Г. Шлыков, возивший эту жалобу в Москву, в своей челобитной Шереметеву указывал, что по возвращении его из Москвы было собрание

крестьян, на котором «капиталистый» крестьянин А. Ворожейкин говорил, что «...они высмотрят всех крестьян и которые подписывались к просьбе, тех станут приводить человек по 20 и сечь плетьми, да вы же-де сами друг друга и держать будете».

Тогда же двоюродный брат Г. Шлыкова был жестоко наказан плетьми выборным В. Белозеровым якобы за неплатеж оброчной недоимки, а на самом деле за подачу жалобы. П. Шлыков после наказания был болен 15 недель.

В 1800 г. мирской сход в Павловской вотчине отказался утвердить рекрутский список, за что зачинщики — 12 человек — были высланы в Москву на работу, а их сообщники были оштрафованы по 5 руб. каждый. На торговой площади в селе Павлове было вывешено письмо, в котором говорилось, как павловские «капиталистые» крестьяне Безбрязгов, Вырыпаев и другие жестоко разоряли и эксплуатировали бедных.

Письмо начиналось следующими словами: «Сколько уже время, братцы, прошло, столько крови никогда из бедных не протекало. Граф государь ничего, ничего не знает, за што Семен Безбрязгов на бедных представляет и бунтовщиками называет. Двенадцать человек в Москву на работы высылает и со оставших товарищей их кровь здесь выпивает. А богатым мужикам угождает. А бедных до конца разоряет...»

В 1800—1801 гг. произошло волнение в Серебряно-Прудской вотчине, где особенно невыносимы были условия барщинной работы и куда, как на каторгу, ссылались крестьяне.

В 1803 г. началось движение крестьян в Борисовской вотчине Курской губернии, связанное с чрезмерным денежным сбором помещика. Движение приняло такие размеры, что Н. Шереметев обратился за помощью к курскому губернатору.

В 1805 г. в Ворсмской вотчине Нижегородской губернии вспыхнуло крестьянское волнение в связи с рекрутским набором, когда управляющий вотчиной хотел отдать в рекруты «подозрительных» крестьян. Волнение охватило все группы крестьян.

Таким образом, борьба крестьян в вотчинах Шереметевых не прекращалась, была направлена против усиления феодальной эксплуатации и всего крепостническо-

Ссылка крестьян в Сибирь. (С акварели XVIII в.)

го уклада, против притеснения со стороны вотчинных начальников и засилья «капита́листых» крестьян, но эта борьба не выходила из рамок вотчины. В некоторых местах в движение была втянута вся масса крестьянства, даже зажиточные, так как крепостная система затрагивала интересы и этой группы. В 1789 г. в Алексеевской вотчине во главе восставших крестьян стоял атаман Свинарев из среднестатейных крестьян.

О борьбе крестьян с помещиками В. И. Ленин писал: «Когда было крепостное право, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли» [1].

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 384.

Обрисованное выше положение крестьян в вотчинах Шереметевых было обычным и для крепостных крестьян других помещиков России. Небольшие земельные наделы ни в коем случае не могли достаточно обеспечить крестьян.

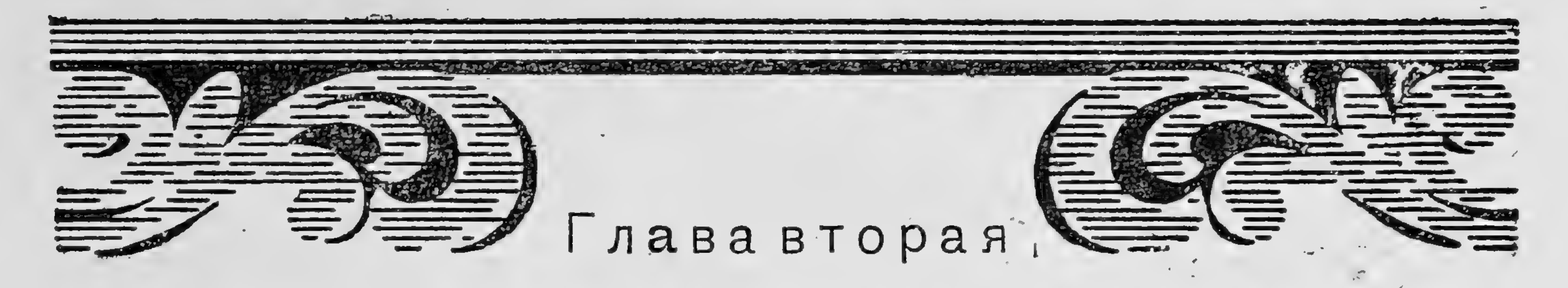
Хозяйство крестьян было убогим. Они вели производство при крайне примитивном состоянии техники. Главным земледельческим орудием оставалась соха, производившая неглубокую вспашку. Урожайность была низкой. В нечерноземном центральном районе она составляла от сам-два до сам-третей, в центральном земледельческом районе — от сам-третей — сам-третей с половиной до сам-пять. Частыми были неурожаи, засухи. Барщина и оброк все увеличивались и увеличивались. Барщина, как отмечает с болью Радищев, у некоторых помещиков доходила до предела — шесть дней в неделю.

Развитие денежного оброка было связано с ростом товарности крестьянского хозяйства, в особенности с распространением крестьянских промыслов. Для крестьян промысел сначала был дополнительным занятием, а затем, особенно у многих крестьян нечерноземной полосы, он становится основным, а земледелие — побочным занятием, которое они постепенно забрасывают. Целые деревни и села, и даже некоторые районы, занимаются только одними промыслами, подобно селам Иваново и Павлово.

Крупнейшим центром текстильной и других отраслей промышленности была Москва и прилегающие к ней районы. Мелкие производители деревень и городов работали отчасти по заказу, но главным образом на рынок.

В русской промышленности второй половины XVIII в. старые, крепостнические отношения начинали переплетаться с новыми, капиталистическими.

В это же время происходило усиление власти феодалов над крестьянами. В имениях помещиков так же, как и в имениях Шереметевых, применялись штрафы, аресты и заключения в помещичьи тюрьмы. Крестьян заковывали в кандалы, подвергали телесным наказаниям, пыткам, ссылкам в другие деревни или на заводы владельца, ссылкам на каторгу. Помещики издавали целые уложения о наказаниях или включали соответствующие распоряжения в инструкции своим приказчикам.

Глава вторая

КРЕСТЬЯНЕ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ

Крестьянское хозяйство в первой половине XIX в. переживает упадок, связанный с увеличением денежного оброка крестьян. Это повлекло за собой упадок господского хозяйства.

В отдельных вотчинах Шереметевых денежный оброк непрерывно возрастал. В Молодотудской вотчине он брался в 1818 г. по 10 руб. 30 коп. с ревизской души, а в 1829 г. — уже 12 руб. 50 коп., в Ивановской вотчине в том же году оброк взимался с тягла 45 руб. Платежи с крестьян взыскивались со всей строгостью, дозволенными и недозволенными мерами. Однако недоимки крестьян продолжали расти и обращались в хроническое явление. Крестьянин Никольской вотчины А. Макарычев в 1854 г. обратился в домовое управление с просьбой об отсрочке уплаты оставшегося оброка — 6 руб. 26 коп. (он уже уплатил 28 руб.). Мотивировал он свою просьбу тем, что в 1853 г. был отдан в рекруты его сын Михайло и что «они едва не пропитывают себя христовым именем». На запрос домового управления вотчинное управление ответило, что крестьянин Макарычев «пришел в бедность от своего нерадения и лености». Нерадивость его видна якобы из того, что он не засевает всех своих полей и грубит местному начальству. Макарычев был наказан, в пример другим, розгами, и домовое правление предписало немедленно взыскать с него оставшиеся неуплаченные деньги.

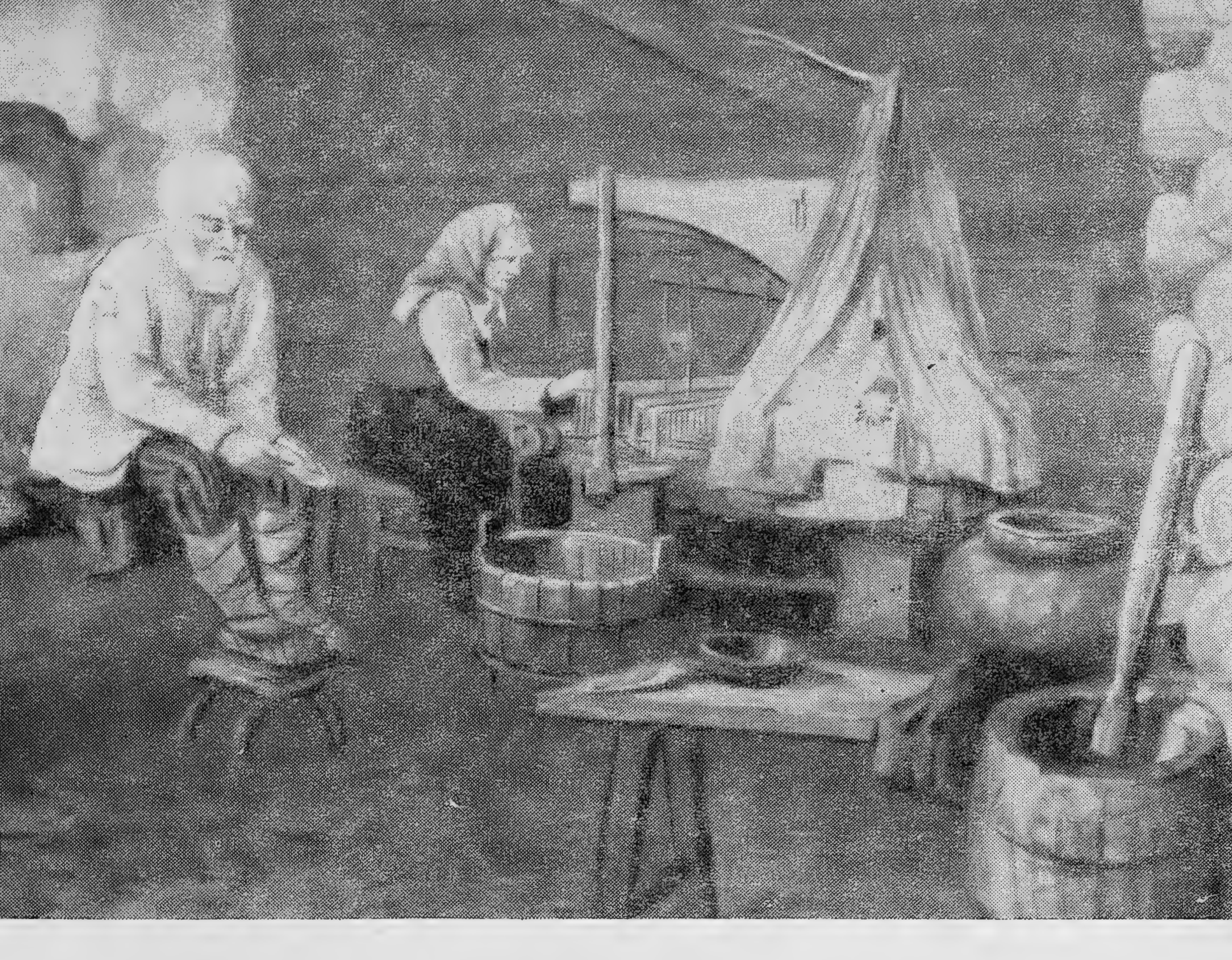
Желая сильнее подействовать на самих управителей вотчин, чтобы они успешней собирали оброк, домовая канцелярия издала в 1851 г. приказ: «Если крестьяне не заплатят оброка и всех недоимок, то вотчиноначальникам не будет выдаваться жалованье до тех пор, пока не

будет выплачен оброк и недоимки... Крестьян-неплательщиков повинностей, в случае недействительности над ними обыкновенных домашних мер строгости, назначать годных в рекруты, а негодных — к отдаче в смирительный дом и тому подобное, что только признано будет на месте удобоисполнительным и соответственным с предназначенною целью, дабы заставить всех крестьян исправно оплачивать повинности».

После таких предписаний вотчинные начальники принимали жесткие меры к взысканию недоимок. Например, крестьянин Никольской вотчины С. Дворцов, продавая в 1851 г. в Москве корову, жаловался на «весьма строгое со стороны вотчинного правления побуждение к платежу недоимок». Тем вотчиноначальникам, которые любыми средствами добивались от крестьян выполнения повинностей, выплачивалась Д. Н. Шереметевым денежная премия. Так, в 1854 г. помещиком было заплачено за исправный сбор оброка должностным лицам в Алексеевской, Панинской, Казаковской, Сергиевской, Ветлужской, Ивановской вотчинах 1155 руб. За неплатеж оброка продолжали отдавать крестьян в рекруты. В 1848 г. был зачислен в рекруты крестьянин Никольской вотчины А. Колотилин за недоимки в 59 руб. В 1850 г. был отдан в рекруты крестьянин деревни Захарково той же вотчины Т. Григорьев. В случае если он будет «забракован», то Никольскому вотчинному правлению приказывалось наказать его розгами и иметь за ним строгий надзор, заставляя его заниматься крестьянскими работами.

Тех крестьян, которые не могли заплатить недоимки, вотчинное правление направляло на работу. В 40-х годах XIX в. из Юхотской вотчины обычно высылалось 20 человек, из Вощажниковской — 10. Петербургская контора высылала недоимщиков на работу к купцу в Кронштадт. Заработанные крестьянами деньги удерживались за оброк.

Из Молодотудской волости неплательщиков оброка посылали на различные земляные работы. Так, в 1857 г. было отдано 38 неплательщиков оброка на заработки в г. Ригу и на строительство гавани в г. Тверь. В том же году 82 крестьянина были отправлены на весь сезон на постройку Варшавской железной дороги. В вотчинную контору заработанные деньги присылали в уплату

Внутренний вид крестьянской избы. (С рисунка худ. *Фуфаева.*)

оброка. Такие отрывы работников от собственного хозяйства наносили тяжелый удар крестьянскому земледелию.

Несмотря на все принимавшиеся меры к ликвидации недоимок, они оставались за крестьянами вплоть до реформы 1861 года. В некоторых вотчинах практиковалось брать штраф за каждый невыплаченный рубль оброка, собирать особые сборы на покрытие недоимок. Эти факты показывают, что недоимки у крестьян обратились в хроническое явление.

Урожайность полевых культур в середине XIX века была незначительной. В Никольской вотчине Московской губернии урожай ржи и овса, за некоторым исключением, был сам-два, а иногда и менее. Особенно снизилась урожайность в той же вотчине в 1853, 1854 и 1856 гг. Своего хлеба крестьянам Никольской вотчины хватало только до ноября.

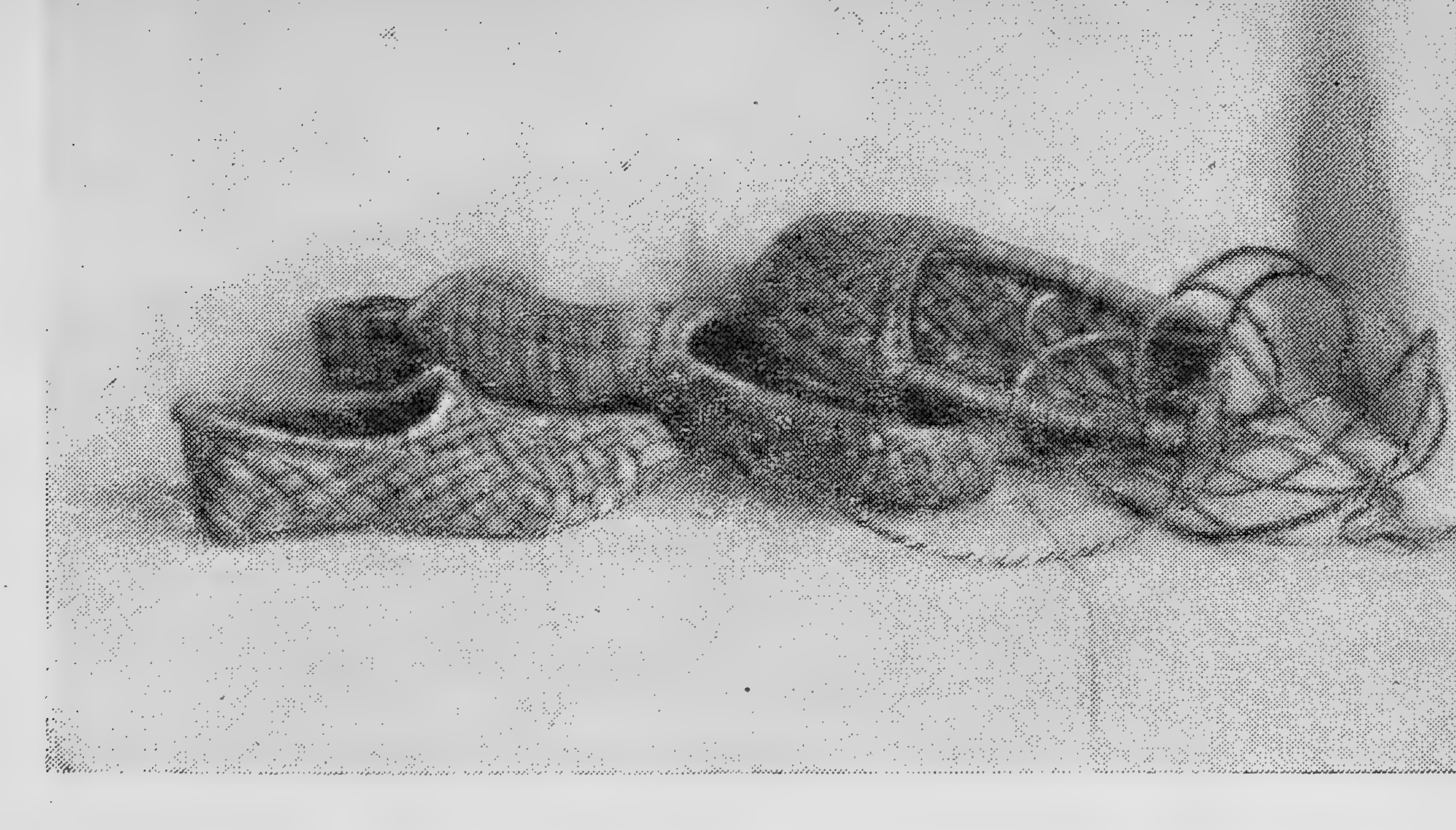
В рапорте вотчинного начальства домовому правлению от 28 января 1858 г. говорилось: «Многие из крестьян уже около двух месяцев покупают хлеб, не имея собственного, и нет овса на засев полей, а купить не имеют средств». Вотчинное правление в том же рапорте хлопотало о выдаче крестьянам как на прокормление, так и на засев ржи и овса из общественных магазинов. Эти магазины были основаны еще в XVIII в., и запасы их состояли из взносов крестьян. Но так как крестьяне беднели, то не могли пополнить запасы общественных магазинов и им неоткуда было ждать помощи. А количество нуждающихся все увеличивалось.

В Никольской вотчине были такие хозяйства, которые не имели ни лошадей, ни коров. В 1858 г. в селе Никольском было 27 дворов. Из них 1 безлошадный, 3 бескоровных и 7 не имели овец. В деревне Захаркове из 62 дворов 16 было безлошадных, 8 бескоровных и 33 не имели овец.

В 1856 г. внезапно умер крестьянин деревни Захарково Р. Александров, находясь на заработках. За ним оставалось 21 руб. 44 коп. недоимок. Общество приговорило погасить недоимки продажей оставшегося после него весьма ветхого дома с разными принадлежностями крестьянского домохозяйства. Всего было выручено 33 руб. Не лучше было положение крестьян и в других вотчинах Шереметевых.

Из донесения Иевлевской вотчинной конторы от 16 ноября 1851 г. видно, в каком тяжелом положении находились крестьяне в этой вотчине. В марте 30 крестьян были наняты тверским купцом Бобровым на черновые работы при проведении Николаевской железной дороги. Купец должен был заплатить им 1292 руб. Крестьяне надеялись не только уплатить оброк и другие сборы за текущий год, но и приступить к погашению многочисленных недоимок.

Еще в марте крестьяне начали покупать хлеб для своих семейств и, не имея наличных денег, забрали в долг хлеба и вещей на большую сумму. Они надеялись расплатиться со своими кредиторами из урожая. Но в этот год с полей не собрали даже на семена. Между тем заимодавцы требовали выплаты долга. Для уплаты у крестьян Иевлевской вотчины не было ни хлеба, ни скота, который можно было бы продать. Вотчинное правление

Лапти — основная обувь крепостных крестьян.
(Из собрания Останкинского дворца-музея.)

просило купца Боброва уплатить за крестьян долг из заработанных ими денег. Было уплачено за купленные хлеб, соль, деготь и пр. 400 руб., за оброк — 502 руб., внесено на мирские расходы 207 руб. Но недоимки за прошлые годы, писало вотчинное правление, выплатить крестьянам нет никакой возможности. Если лишить их и последнего скота, то они станут совершенно нищими.

Если бы не работа на постройке железной дороги, то крестьяне Иевлевской вотчины не выплатили бы и текущие денежные повинности.

Особенно тяжело приходилось крестьянам в неурожайные годы. Например, в той же Молодотудской вотчине в 1822 г. случился неурожай озимого и ярового хлебов. И крестьяне этой вотчины, особенно женщины и дети, в ветхой одежде, в лаптях, в январский жестокий мороз вынуждены были бродить по деревням и неотступно просить милостыню. Управителю вотчины даже последовало предписание от ржевского исправника, чтобы он предпринял «деятельные меры по прекращению этого нищенства и особенно, чтобы не ходили малолетние дети».

Сельское хозяйство едва ли могло обеспечить сносное существование крестьян. Приведем такие цифры: в Молодотудской вотчине на тягло высеивали 2 четверти ржи, 4 четверти овса. При урожае сам-два, за вычетом

семян, оставалось в пользовании крестьян на каждое тягло столько же, сколько было посеяно.

В 50-х годах в Тверской губернии, где находилась указанная вотчина, четверть ржи стоила 3 руб. 50 коп., овса — 1 руб. 80 коп. Следовательно, зерновой продукции на каждое тягло приходилось на 10 руб. 60 коп. Между тем оброк в это время брался с тягла от 8 до 12 руб.; к тому же нужно было и кормиться. Ясно, что при таких условиях полевое хозяйство крестьян Молодотудской вотчины не могло прокормить их.

В других вотчинах посевы зерновых были еще меньше. Кроме того, и скота в крестьянских хозяйствах, как мы уже отмечали, было очень мало: обычно на тягло приходилось от 1 до 2 лошадей, коров, овец. В вотчинах, где уже сильно сказалась пролетаризация крестьян, к середине XIX в. скота почти совсем не было. Например, в Павлове на 100 душ приходилась 1 лошадь, на 102 души — 1 корова; в Ворсме на тягло приходилась $^{1}/_{10}$ лошади, $^{1}/_{2}$ коровы, $^{1}/_{4}$ свиньи.

Надо сказать, что в XIX в. в промышленных вотчинах Шереметевых большинство крестьян оторвалось от своих земельных наделов и сельским хозяйством не занималось. Об этом свидетельствует один из документов 40-х годов XIX в., относящийся к селу Иваново. В нем мы читаем: «К сожалению, бóльшая часть крестьян не имеет понятия о хлебопашестве, никогда не имела земледельческих орудий и рабочего скота, так что более $^{9}/_{10}$ частей пахотной земли их лежит несколько десятков лет в запустении и заросли кустарником».

Вместе с разорением крестьянства под влиянием усилившегося гнета феодальной эксплуатации разорялось также и помещичье хозяйство.

Из бюджета Шереметевых видно, как росла их огромная задолженность. Бюджет Н. П. Шереметева за 1798 г. — это типичный бюджет барина, имеющего большие потребности в силу положения в обществе и привычки к роскоши. Производительных затрат в бюджете нет; нет никаких забот и об улучшении питающей графа базы — хозяйства крестьян. Все благополучие барина было основано на оброке и других сборах. Большая часть денег шла на личные расходы графа — 34,6%; на содержание свиты дворовых тратилось 13,3%; расходы по дому составляли 11%.

Значительной статьей расхода являлась уплата долгов — 29%. Задолженность графа равнялась 2 млн. руб.

Еще бо́льшая задолженность была у Д. Н. Шереметева в 1859 году. Общая сумма его доходов в серебряной валюте равнялась 702,8 тыс. руб. В этот год было уплачено по долговым обязательствам, несмотря на всяческие отсрочки, 736,7 тыс. руб. На уплату долгов не хватило всего годового дохода с имений, и для процентов пришлось еще призанять 33,9 тыс. руб. Сумма долга, числящегося за графом, определялась на 1859 г. в 6068 тыс. руб.

В первой половине XIX в. в хозяйстве Д. Н. Шереметева так же, как и в хозяйстве его отца в XVIII в., нет производительных затрат. Сократив свои личные расходы до 80,9 тыс. руб., Д. Н. Шереметев все же тратил на содержание дворни 126,8 тыс. руб., на содержание дома — 130,5 тыс. руб. и на благотворительность — 161,2 тыс. руб.

С точки зрения дела бюджет Д. Н. Шереметева рисует нам совершенно невероятную картину. Поэтому нет ничего удивительного, что на имения Д. Н. Шереметева за долги был наложен арест.

Крестьяне Шереметевых, не имея возможности прокормиться на месте и нести денежные повинности, продолжали в большом количестве уходить на заработки. Например, в Никольской вотчине в 50-х годах XIX в. уходило на заработки от 40 до 52 человек. В 1857 г. в сельце Никольском и деревне Захаркове Московской губернии ушло на заработки до 50% всего взрослого населения. Уходили крестьяне главным образом в Москву и в деревню Михалково на фабрику.

В середине XIX в. из 29 селений Вощажниковской вотчины ежегодно отпускалось до 500 человек в города Санкт-Петербург, Москву, Гельсингфорс, Ригу, Фридрихсгам, Кронштадт для торговли, ремесла и другого заработка. Из Юхотской волости той же губернии в 1855 г. было отпущено 975 человек в Санкт-Петербург и 561 человек в Москву «для торговли по найму от купцов разными товарами, а более всего в мелочных, овощных и зеленных лавках». В 1856 г. в той же Юхотской вотчине было выдано 1354 паспорта. Среди отправлявшихся на заработки крестьян были женщины и подростки.

Немало крестьян отпускалось на заработки из Молодотудской вотчины. В 1856 г. было выдано 724 паспорта,

в 1857 г. — 792. Крестьяне нанимались на земляные работы и на сплав леса. Из Иевлевской вотчины Тверской губернии в 1846—1847 гг. уходило в Петербург и в Москву на каменные и плотничьи работы по 40 человек, что составляло по отношению ко всем крестьянским дворам не менее 50%. Даже из отдельных вотчин Нижегородской губернии, где на местах были разные промыслы, замечался отход крестьян на заработки. Так, из 14 селений Панинской вотчины уходило на заработки 211 человек. В Васильевской вотчине Владимирской губернии до 100 человек постоянно промышляли по торговой части на земле Войска Донского; 50 человек уходили в восточные губернии в качестве овчинников; некоторые крестьяне уезжали на Нижегородскую, Ростовскую, Корсунскую и другие ярмарки, где нанимались в приказчики, грузчики и, наконец, работали на фабриках. Паспортов ежегодно выдавалось до 1500.

Широкий отход крестьян из вотчин Шереметевых в первой половине XIX в. вел к отрыву крестьян от земли, от их надела, уничтожал самостоятельные хозяйства, разрушал привычные устои крестьянской жизни и подрывал феодальное землевладение. Отход крестьян из вотчин приводил к созданию базы наемного труда для промышленных предприятий, развивавшихся на капиталистической основе. Крепостные крестьяне, занятые промышленным трудом, образовывали более или менее постоянный состав российского предпролетариата. Работая на мануфактурах и фабриках из года в год, нередко из поколения в поколение, крестьяне приобретали ценные технические навыки и при первой возможности порывали с деревней.

Наряду с отхожими промыслами крестьяне в первой половине XIX в. занимались промышленной деятельностью. В. И. Ленин, тщательно изучавший крестьянскую промышленность в России, писал в работе «Развитие капитализма в России» о промыслах Горбатовского уезда Нижегородской губернии: «Происхождение этих промыслов очень древнее... еще в 1621 г. в Павлове было (по писцовой книге) 11 кузниц. К половине 19 века эти промыслы представляли уже из себя широко раскинувшуюся сеть вполне сложившихся капиталистических отношений» [1].

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 363.

В упоминаемом нами Павловском районе сельским хозяйством крестьяне почти не занимались. Нижегородский губернатор специально указывая в своем отчете на Павловский слесарный округ, писал, что «есть некоторые промышленные селения, где скота вовсе не держат, так, например: дворы некоторых павловских и ворсмских крестьян поросли даже травой и имеют для входа одну калитку». В уставной грамоте на село Ворсму записано: «Почти все крестьяне без исключения имеют фабрики (т. е. мастерские по обработке металла) у себя на дому». В 1858 г. 620 человек села Ворсмы изготовляли стальные и железные изделия при 340 домах. В 60 кузницах работали 70 кузнецов. Кроме того, в Ворсмской вотчине 40 человек занимались скупкой и продажей пеньки для выделки канатов, 138 человек — выжиганием извести и угля, 50 человек — извозом, 400 человек нанимались на разные работы.

Широкое участие крестьян в ремесленном производстве, связь с рынком привели к очень значительному развитию товарно-денежных отношений и дальнейшему расслоению населения.

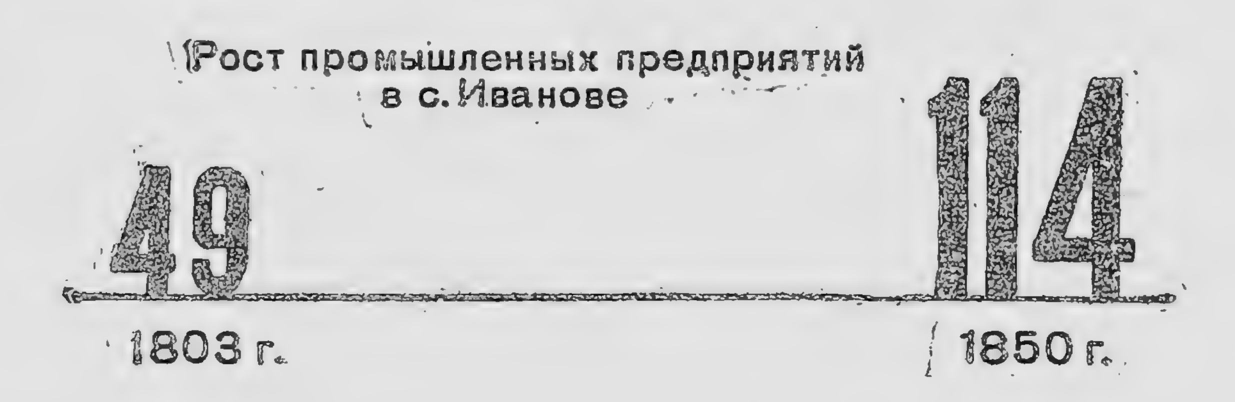
В начале XIX в. основным покупателем местных товаров становится вместо приезжего купца разбогатевший крестьянин-скупщик своей же деревни, чаще всего владелец мастерской. Например, павловские владельцы крупных мастерских — крепостные крестьяне Ворожейкин, Бронников, Безбрязгов, Вырыпаев, Щипахин, Воротилов, Метенин и др. все более соединяют в своих руках и производство, и сбыт. В Ворсме выдвинулся умелый мастер крестьянин Завьялов, основавший в 1827 г. большую мастерскую по производству металлических изделий с наемным трудом. Вслед за ним расширяют свое производство и богатеют другие крестьяне-ремесленники этого же села.

Зажиточные крестьяне, владельцы мастерских и некоторых заводов, все чаще нанимают на работу своих же крестьян-односельчан. В 50-е годы работа за плату на крупных ремесленников получила большое распространение.

Резкое расслоение среди крепостных крестьян, эксплуатация богатыми крестьянами заводских крестьян-мастеровых приняли настолько широкий характер, что даже в официальных документах, отчетах губернаторов

появилось слово «капиталист». «Капитáлистые» крестьяне не только эксплуатировали своих односельчан, но и вовлекли в орбиту своей деятельности государственных крестьян соседних сел. Эти крестьяне обыкновенно выполняли заказ известных заводчиков, которые предоставляли им свой материал.

У крупнейших «капитáлистых» крестьян существовали небольшие заводы с разделением труда и простейшими машинами. В селе Ворсме в 1858 г. было 5 фабрик по выделке стальных и железных изделий. У фабриканта Завьялова имелось 10 верстаков и 480 наемных рабочих. Еще в 40-х годах он ввел конный привод для шлифовальных и точильных станков. Но первая паровая машина была поставлена только в 1862 г.

В Молодотудской вотчине в 50-х годах XIX столетия было 20 дегтярных заводов, в селе Вощажникове насчитывалось два кожевенных завода, два поташных [1] и один свечной, две бумажные фабрики. Все эти заводы принадлежали зажиточным крестьянам.

Труд рабочих людей на предприятиях «капитáлистых» крестьян был тяжел и безрадостен. Им приходилось работать по 16—18 часов в сутки. Даже дети с 8—9-летнего возраста участвовали в производстве.

Крестьянская промышленность особенно развивалась в первой половине XIX в. в Ивановской вотчине Владимирской губернии. Рост ивановских ситценабивных предприятий шел очень быстро. В 1803 г. в селе Иванове насчитывалось 49 предприятий, принадлежавших крестьянам, а по окрестным деревням еще 11.

В 20-х годах XIX в. в селе Иванове имелось много набойных заводов. Среди них были большие, в которых ситец набивался на 150 столах, и маленькие заводы с 2 сто-

---

[1] Поташ — твердое белое вещество со щелочными свойствами, приготовляемое из золы.

лами. Ткачество, как правило, производилось по деревням. Бумажная пряжа поступала из Александровской бумагопрядильной мануфактуры близ Петербурга. Основным местом сбыта ивановской продукции были Москва и ярмарки: Нижегородская, Ирбитская, Ростовская, Коренная, Харьковская и Роменская. С Нижегородской ярмарки ивановские ситцы шли в значительном количестве в Среднюю Азию и в Персию.

С конца 20-х годов XIX в. в хлопчатобумажную промышленность началось проникновение машин. Они получили применение сначала в отделочном производстве, а затем в прядильном. В это же время было положено начало внедрению механического ткацкого станка. В 1826 г. в селе Иванове на предприятиях Спиридонова была поставлена первая цилиндренная машина [1]. Цилиндренные машины вначале приводились в движение лошадьми. Они стали вытеснять ручную набивку. За 1830—1851 гг. в одном Иванове было установлено 40 цилиндренных машин, каждая из которых набивала свыше 700 тыс. аршин ситца в год. Это сразу же резко сократило ручную набивку.

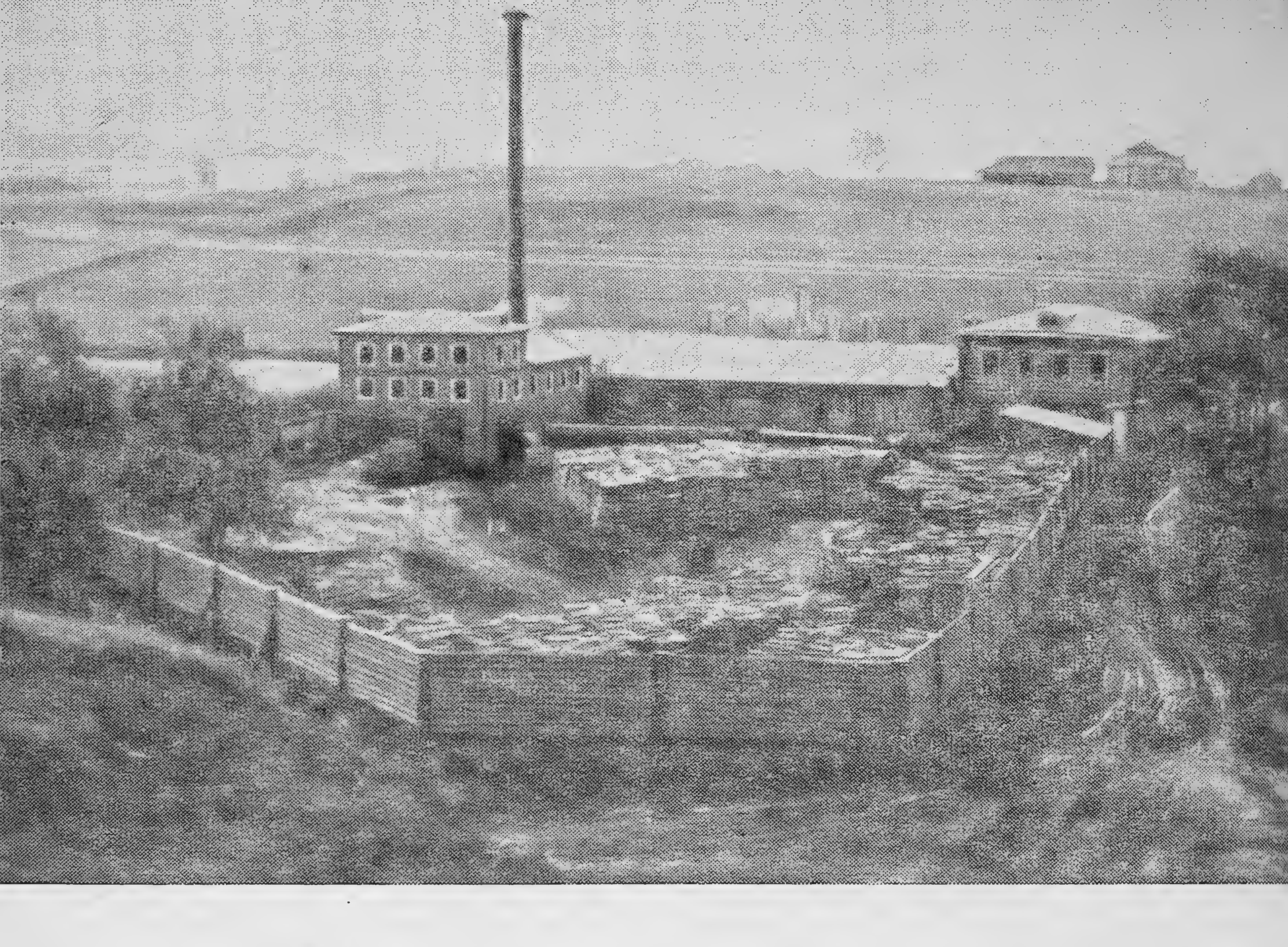
Появление же в селе Иванове в 1846 г. перротин [2] окончательно убило ручное набойное производство. Каждая перротина при действии двух человек могла набить от 30 до 50 штук ситца за 14 часов, на что требовалось от 30 до 50 набойщиков при ручной работе.

Механизация отделочного производства вызвала возникновение в Иванове механических и химических заводов. В 1832 г. на фабрике Горелина появилась первая паровая машина в 12 лошадиных сил. Пар употреблялся как двигатель и в других операциях, например для согревания воды при белении. В 1838 г. в Иванове начал работать химический завод.

---

[1] Цилиндренная машина представляла большой деревянный стан, на котором укреплялся восьмипудовый чугунный вал, вставлялись медные цилиндрические валы с выгравированными на всей их поверхности узорами (П. М. Экземплярский, Указ, соч., стр. 93).

[2] Перротина представляла собой прямонабивную машину, которая печатала посредством плоских форм, механически воспроизводя ручное печатание «манерами». Печатание в несколько красок составляло основное преимущество перротины, имевшей трехколерный, а потом четырех- и пятиколерный механизм (П. М. Экземплярский, История города Иванова, Ивановск, кн. изд., 1958, стр. 94).

Заварка Д. Г. Бурилина, построенная в с. Иванове в XIX в.

Первая бумагопрядильная фабрика в Иванове возникла в том же году у купца Н. А. Бабурина, но в следующем году она сгорела. В 1848 г. появилась бумагопрядильная фабрика Я. Гарелина. Она имела две паровые машины по 30 лошадиных сил каждая и 9912 веретен. Хлопок для этой фабрики выписывался из Англии.

Количество предприятий в селе Иванове по сравнению с началом XIX в. увеличилось в два раза. Среди рабочих были не только местные крестьяне, но и пришлые. Если в 1816 г. в селе Иванове их насчитывалось приблизительно до 5000 человек, то к началу 60-х годов пришлых рабочих было около 16 тыс. В ткацкой промышленности в Ивановской вотчине все еще много было рабочих (7722 человека из 9244), которые работали от предприятий по деревням. Но ручное ткачество уже не могло удовлетворить быстро развивавшееся механизированное ситцепечатное производство ни в количестве, ни в качественном отношении. С 50-х годов началась ликвидация ручного ткачества на предприятиях села Иваново.

Жестокая эксплуатация на фабриках приводила к выступлению против угнетателей формирующегося пролетариата. Так, в 1848 г. рабочие фабрики Я. Гарелина потребовали расчет. Фабрикант, «услышав требование их, стал посылать на работу, но рабочие объявили, что работать не станут... и с этим ответом хотели идти к становому приставу. Но Гарелин приказал запереть ворота». По заявлению Гарелина, рабочие «хотели его прибить; некоторые из них схватили его за горло и разорвали сюртук». Несколько рабочих были задержаны. Дознание установило, что «буйства рабочих на фабрике не было». Этот факт говорит о том, что уже определились совместные выступления рабочих против «капита́листых» крестьян.

Положение наемного крепостного крестьянина на фабриках было противоречиво. С одной стороны, он находился в крепостной зависимости от помещика и это его принижало. Даже «капита́листый» крестьянин, если он оставался крепостным, не имел чувства уверенности, что мешало проявлению его предприимчивости и инициативы.

С другой же стороны, крепостной наемный рабочий и крепостной «капита́листый» крестьянин состояли между собой в чисто капиталистических отношениях.

Таким образом, положение крестьян в сельскохозяйственном и промышленном производстве накануне реформы находилось в резком противоречии с требованиями, которые предъявляло развитие прозводительных сил, в частности введение новой машинной техники. Феодальная эксплуатация ограничивала возможность накопления, тормозила самодеятельность и техническое новаторство. Господствующая система феодальных отношений задерживала развитие производства, тянула назад, к ручному принудительному труду и застою народного хозяйства.

В социальном же составе крестьянства накануне реформы выявилось дальнейшее его расслоение. Резко выраженное уже в XVIII в. классовое деление населения села Иваново еще более усилилось. По книге оброчных сборов за 1827 г. выявились точно очерченные группы бедняков, середняков и «капита́листых» крестьян.

В. И. Ленин писал, что разложение крестьянства создает два новых типа сельского населения: зажиточное

крестьянство и неимущее крестьянство, сельскую буржуазию и наемных рабочих с наделом. Но этот распад окончательно оформился лишь при развитых капиталистических отношениях[1]. Мешали этому распаду еще сохранившиеся порядки, свойственные крепостному праву.

ДВОРОВ КРЕСТЬЯН БЕДНЕЙШИХ	624 (84,46%)
ДВОРОВ КРЕСТЬЯН СРЕДОСТАТЕЙНЫХ	77 (10,44%)
ДВОРОВ КРЕСТЬЯН КАПИТАЛИСТНЫХ	33 (4,50%)

Расслоение крестьян с. Иванова (1827 г.).

В связи с кризисом феодально-крепостнической системы в первой половине XIX в. жизнь Д. Н. Шереметева не имела уже того размаха, какой мы видели во второй половине XVIII в. Количество дворовых людей оставалось то же, но состав их изменился. Среди дворовых людей значилось больше слуг, чем работников умственного труда. В это время крепостная интеллигенция находилась в несколько ином положении, чем в XVIII столетии, когда их объединяло общее дело — строительство и театр в имениях Шереметевых. Занятия этой интеллигенции отвечали интересам господ Шереметевых и в той или иной мере поощрялись ими.

В первой половине XIX в. крепостная интеллигенция Шереметевых уже не составляла единого творческого коллектива. Сохранилось письмо от крепостного архитектора Прохаева к Д. Н. Шереметеву, из которого видно, что архитекторам в это время делать было нечего. Прохаев пишет, что обучался он в Академии художеств, за успехи удостоен советом Академии серебряной медали, по окончании курса учения поступил в дом графа, но, не имея по архитектуре никакого дела и притом скучая от такой жизни, занимается сочинением рисунков конского завода, оранжереи, иконостаса.

После роспуска крепостной труппы у Шереметева осталась лишь певческая капелла, которая процветала под руководством Г. Я. Ломакина, крепостного человека Шереметевых. Г. Я. Ломакин был выдающимся хоро-

[1] См.: В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 144—145.

вым дирижером, а также композитором и музыкальным деятелем.

Среди крепостных живописцев Шереметева выделялся незаурядными способностями Николай Подключников, получивший художественное образование и звание художника.

В первой четверти XIX в. в связи с потребностями промышленного развития страны из среды крепостных людей появляются представители технической интеллигенции. Эту интеллигенцию мы видим и в пермских владениях Лазаревых, Строгановых и Демидовых, что было обусловлено развитием техники на уральских заводах.

В это же время из крепостных людей появляются изобретатели и врачи, что в свою очередь было связано с общим сдвигом в культурном развитии страны и с прогрессом в области естественнонаучных знаний.

У Д. Н. Шереметева около 50 человек крепостных были врачами или лекарями. Своеобразным центром этой «крепостной медицины» стал Странноприимный дом в Москве, построенный в 1810 году по завещанию крепостной артистки П. И. Жемчуговой-Шереметевой. (Теперь в этом здании находится Институт скорой помощи имени Н. В. Склифосовского, известного русского хирурга.)

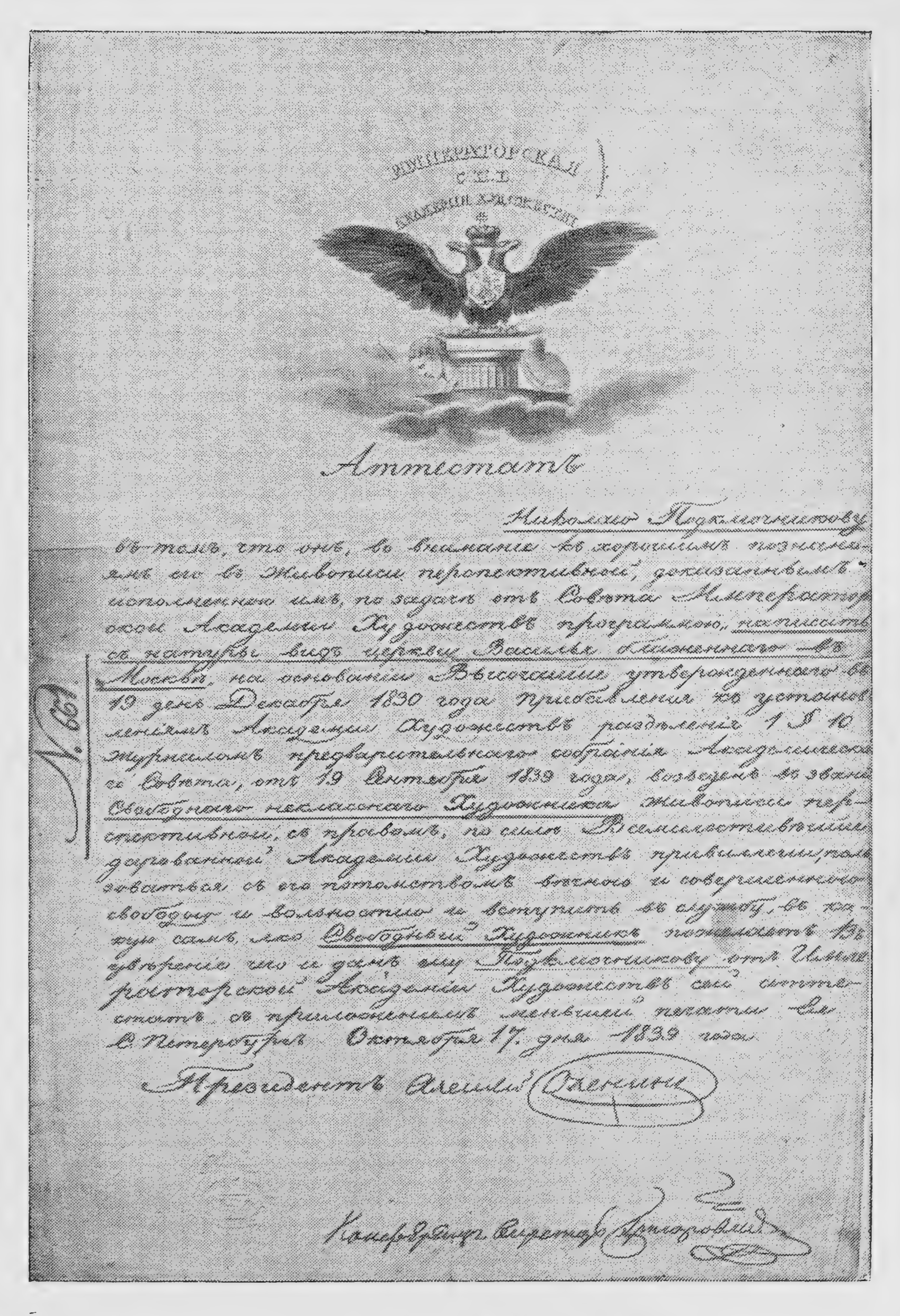
Интересно, что одна из первых в России женщин-врачей — Н. П. Суслова родилась в семье крепостных крестьян графа Шереметева.

Н. П. Суслова (1843—1918) окончила пансион в Москве и сдала экзамен за курс мужской гимназии. В 1861—1864 гг. она училась в Медико-хирургической академии (вольнослушательницей), но была вынуждена оставить академию в связи с запрещением обучаться в ней женщинам. Суслова уехала за границу, училась в Цюрихском университете, в 1867 г. защитила докторскую диссертацию; а в 1868 г. вернулась в Россию и занималась медицинской практикой. В 1865 г. Суслова состояла под надзором полиции за связь с революционерами и за участие в I Интернационале[1].

Несмотря на весь гнет крепостного права, русский народ выдвинул из своей среды немало талантливых изобретателей и писателей. Таким был крепостной

---

[1] А. Смирнов, Первая русская женщина-врач, М., 1960, стр. 175.

ИМПЕРАТОРСКАЯ С.П.Б. АКАДЕМІЯ ХУДОЖЕСТВЪ

Аттестатъ

№ 66

Николаю Подключникову
въ томъ, что онъ, во вниманіе къ хорошимъ познаніямъ его въ Живописи перспективной, доказаннымъ исполненною имъ, по задачѣ отъ Совѣта Императорской Академіи Художествъ программою, написать съ натуры видъ церкви Василія Блаженнаго въ Москвѣ, на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 19 день Декабря 1830 года прибавленія къ установленіямъ Академіи Художествъ раздѣленія 1 § 10 журналомъ предварительнаго собранія Академическаго Совѣта, отъ 19 Сентября 1839 года, возведенъ въ званіе Свободнаго некласснаго Художника живописи перспективной, съ правомъ, по силѣ Всемилостивѣйше дарованной Академіи Художествъ привиллегіи, пользоваться съ его потомствомъ вѣчною и совершенною свободою и вольностію и вступить въ службу, въ какую самъ, какъ Свободный Художникъ, пожелаетъ. Въ увѣреніе чего и данъ ему Подключникову отъ Императорской Академіи Художествъ сей аттестатъ съ приложеніемъ меньшой печати. Въ С. Петербургѣ Октября 17 дня 1839 года.

Президентъ Академіи Оленинъ

Конференцъ Секретарь Григоровичъ

Аттестат крепостного художника Николая Подключникова.

крестьянин Шереметевых из села Кадницы Михаил Сутурин, изобретший судовзводную машину.

Писатель В. А. Рязанцев (1829—1866), сын крепостного Шереметевых, написал рассказы «Хороший человек» и «Добрый человек». Обладая несомненным талантом, он не выразил в своем творчестве всего, чем болела и возмущалась его душа.

Более значительным в литературе был другой писатель и этнограф из крепостных крестьян — Ф. Д. Нефедов (1838—1902). Ему принадлежит много произведений, отражавших жизнь крестьян села Иваново. Ф. Д. Нефедов был одним из замечательных писателей, ярко раскрывших тяжелое состояние угнетенных масс. В 70-х годах он находился под влиянием революционного кружка народника Нечаева. За ним был установлен жандармский надзор. От жандармского капитана в III отделение поступило сообщение, что один из корреспондентов, живущий в Москве и нередко бывающий в селе Иванове, Нефедов, защитник низшего класса населения, не расположен ко всем фабрикантам и вообще лицам состоятельным. Сочинения Ф. Д. Нефедова изданы в 1940 г. в г. Иванове.

Из крепостных Шереметева вышел и академик А. В. Никитенко (1805—1877). Александр Васильевич Никитенко родился в той Алексеевской слободе Воронежской губернии, где его отец В. Никитенко поднял в 1798 г. восстание крестьян. Первое образование Никитенко получил в Воронежском уездном училище, но в гимназию, как сын крепостного человека, принят не был. Благодаря содействию декабриста Рылеева и писателя В. А. Жуковского Никитенко в 1824 г. был освобожден от крепостной зависимости и поступил в Петербургский университет. В 1828 г. он окончил историко-философский факультет и был назначен профессором. В 1836 г. получил ученую степень доктора философии за диссертацию «Поэтический гений» (творческая сила поэзии). В 1853 г. был назначен членом Академии наук.

В первой половине XIX в. в вотчинах Шереметевых попрежнему сохраняется бесправное положение крестьян. Оно было закреплено в особой инструкции — «Собрании положений и правил», которыми должны руководствоваться управляющие имений Шереметевых; 83 пункта этого «Собрания» были составлены в 1815 г. в дополне-

ние к инструкции 1764 г. Крестьяне, как и раньше, оставались прикрепленными к земле и не могли никуда уйти без согласия помещика. Государственные учреждения того времени всячески поддерживали это феодальное право помещиков Например, крестьянин деревни Ивановской Юхотской волости Д. Петров в 20-х годах XIX в. по указу Ярославской уголовной палаты был публично наказан плетьми «за перемену владельца своего и за побег из вотчины».

Несение тягла оставалось обязательной повинностью крепостных крестьян; бесправность их положения подчеркивалась одним из пунктов того же собрания — крестьянин не мог распорядиться своим имуществом. В 1828 г. некоторые крестьяне продали свои дома и земли без разрешения вотчинного правления. Было постановлено взыскать с них двойную пошлину[1], а некоторых за своевольство оштрафовать особой денежной пеней[2] и подвергнуть телесному наказанию.

Согласно той же инструкции крестьянам без согласия вотчинного правления запрещалось делиться. В 1853 г. домовое правление предписало: «Самовольно разделившихся крестьян дер. Захаровка Никольской вотчины Макаровых и Матизиных воссоединить вновь, в противном случае они подвергаются денежному штрафу, а семейства принуждаются к соединению со строгим наказанием».

О бесправности крепостных крестьян говорит и такой факт. Крестьяне не могли подавать прошений, исков и вообще всякого рода бумаг по судебным делам, не объявив об этом предварительно в домовом или вотчинном правлении. Отдельными пунктами «Собрания положений и правил» регламентировались браки крестьян. Женихам запрещалось давать денежный выкуп за невест. Но, если невеста выходила замуж в другую вотчину, по-прежнему брался денежный выкуп в пользу помещика. Крестьяне по нескольку дней подряд справляли свадебные обряды, что являлось их своеобразной забастовкой, так как в эти дни они не выходили на работу. Свадьба справлялась около семи дней даже у самых бедных крестьян,

[1] Пошлина — налог, взимаемый с продажи товаров и имущества.

[2] Пеня — штраф, устанавливаемый законом или договором за невыполнение или просрочку принятых обязательств.

Работа дворовых в колодках. (С гравюры *Гейслера* конца XVIII в.)

а у богатых и более. На них сходилось большое количество гостей и особые песенники; «все они в продолжение этого времени до чрезвычайности угощались, а особенно накануне свадьбы, в которой сверх обыкновенного угощения подносились от жениха гостям подарки и это называлось большие смотрины». Инструкцией 1815 г. крестьянам не разрешалось справлять свадьбу более трех дней.

Производя суд и расправу над крестьянами, помещичья администрация подвергала их наказанию розгами, батогами, плетьми. Так же, как и в XVIII веке, крестьян подвергали аресту, ссылали в Сибирь, отдавали в арестантские роты, насильно направляли на работу.

Усиление гнета и эксплуатации крестьян в вотчинах Шереметева приводило к массовым волнениям и выступлениям крестьянам в первой половине XIX в. Одно из таких выступлений произошло в 1823 г. Молодотудской вотчине. Крестьяне, собравшись в селе Молодой Туд, самовольно сменили старост и на их место избрали других. Прежних старост, тиранивших народ, посадили на цепь. Тогда же крестьяне освободили из тюрьмы крестьянина Гаврилу Матвеева с пятью товарищами, которые возглавили движение. «Хозяином» волости крестьяне избрали

Матвеева и присягнули ему в послушании и повиновении.

Выступление крестьян было подавлено. Восемь человек, главные зачинщики, в том числе и Г. Матвеев, были наказаны плетьми при конвойной команде; 100 человек после наказания были сосланы на поселение в Сибирь. Отголоски этого выступления чувствовались еще в 1824 г. В рапорте графу Д. Шереметеву управляющий Молодотудской вотчиной писал: «Я... считаю за необходимость назначить к отдаче в рекруты преимущественно тех, кто были главными бунтовщиками при происходившем в волости бунте». Были отданы в рекруты 65 человек, в том числе, как «главные бунтовщики», крестьяне А. Васильев, В. Григорьев, П. Иванов.

Неспокойно было в Вощажниковской вотчине. В 20-х годах XIX в. отдельные крестьяне выступили против злоупотреблений управляющего вотчиной. Когда это не достигло цели, крестьяне выступили всей массой, выбрав доверенным лицом крестьянина Г. Красавина. Волнение было жестоко подавлено. При следствии в вотчине были обнаружены своеобразные застенки, где расправлялись с непослушными крестьянами. Там же нашли орудия пыток: трое ножных колец, два деревянных стула с прикрепленными к ним железными цепями, железную цепь, прибитую к каменной стене, и сажень — деревянная палка длиной 3 аршина с железными кольцами на концах, к которым были привязаны сыромятные ремни. Сыромятными ремнями прикручивался подлежащий наказанию крестьянин (распинался). Так был наказан брат Г. Красавина Федор Красавин.

Волнения крестьян в этой вотчине не утихали. В 1848 г. крестьянин А. Тупицын, выступавший против крепостнических порядков и зажиточных крестьян, был сослан на поселение.

Крестьянские волнения имели место в Серебряно-Прудской вотчине, где крестьяне оставались на барщине. В 1851 г. около 70 крестьян этой вотчины пешком отправились в Москву, чтобы добиться освобождения от барщины и перевода на денежный оброк. Во главе этого движения стоял крестьянин села Подхожего Борис Мяснин. За возбуждение крестьян к беспорядкам Мяснин был отдан в полуарестантские роты.

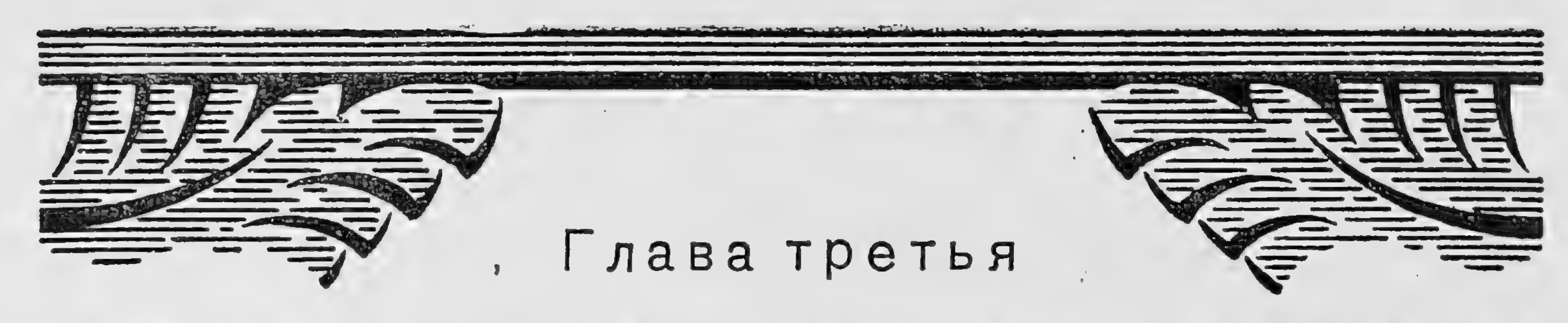
В 1858 г. волновались крестьяне подмосковной Выхин-

ской вотчины. Возглавлял движение зажиточный крестьянин Ф. Кокоринов. «За произведенные им в вотчине беспорядки» он назначался графом к переселению по этапу в Костромскую вотчину, но вследствие раскаяния в своих поступках Кокоринов был оставлен в Выхинской вотчине и оштрафован на 200 руб. серебром. Были также оштрафованы «за произведенные в вотчине беспорядки» многие крестьяне.

В 1824—1827 гг. Ивановский фабрикант Ямановский в связи с ликвидацией части своего предприятия продал купленных им 18 крестьян помещику Маркову. Крестьяне отказались признать своего нового владельца и подали владимирскому губернатору прошение, в котором просили освободить их «от рабства неизвестного им помещика Маркова и особливо крестьянина Ямановского». В прошении крестьяне указывали, что они «находились в услужении у того Ямановского на фабриках, словом сказать... как крепостные, и проживали в собственных казармах». Характеризуя отношение к ним Ямановского, крестьяне писали, что он «делает немалые стеснения и похваляется через уполномочие свое, якобы за ослушание наше, годных продажею в рекруты, а не годных — наказанием». На следствии выяснилось, что волновавшиеся крестьяне уже полностью были оторваны от земледелия, «хлебопашества своего не обрабатывали, а находились всегда на фабричной работе». Шуйский уездный суд 13 мая 1826 г. постановил крестьян Осипа Гаврилова и Василия Иванова наказать кнутом по десять ударов и, «как главных возмутителей прочих крестьян... сослать на поселение в Сибирь безвозвратно».

Выступления крестьян против крепостнических порядков и произвола правителей были иногда бурными. В протестах принимали участие все крестьяне. В это же время, как нами было уж отмечено, определилась и борьба рабочих против эксплуатации их фабрикантами.

Кризис феодального хозяйства в вотчинах Шереметевых говорит о том, что феодально-крепостническая система, господствовавшая в России, не давала возможности развиваться производительным силам, обрекала их на застой. Обострение кризиса проявилось и в росте выступлений трудящихся. В России накануне отмены крепостного права складывалась революционная обстановка.

Глава третья

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В ВОТЧИНАХ ШЕРЕМЕТЕВЫХ

После отмены крепостного права в 1861 г. у бывших шереметевских крестьян из 450 000 десятин земли, находившихся в их пользовании, отрезали 165 000, т. е. более одной трети.

В Алексеевской и Борисовской вотчинах было отрезано около $^1/_3$ крестьянской земли, не менее и в Марковской вотчине, где крестьян лишили покоса. Крестьяне Островецкой вотчины жаловались московскому губернатору, что у них по уставной грамоте отняли $^1/_3$ земли в пользу помещика, и им осталось на душу чуть больше одной десятины. Между тем по уставной грамоте им следует на 322 души по наделу 996 десятин. «За что же отнимать,— писали они, — от нас последнее? В уставной грамоте указывалось, что нам есть та выгода, что мы живем близ Москвы, в 28 верстах, и имеем постоялые дворы и, следовательно, все возможности к улучшению, но мы оных постоялых дворов лишились по случаю Саратовской железной дороги. За что же излишняя отрезка земли и лугов в пользу графа?.. Это так для нас отягчительно и больно, что мы не знаем, на какой предмет должны решиться. Землю мы для себя удобрили, и ныне спрашивается, какое же улучшение быту крестьян, а выходят притязания к бедным и обездоленным».

Особенно много было отрезано земли у крестьян в пользу помещика в тех вотчинах, где крестьяне получили землю по дарственному наделу. Так называемый дарственный или нищенский надел крестьяне получали от помещиков в собственность бесплатно. Надел уменьшался до одной четверти нормы, почему он назывался еще

«четвертным» наделом. Дарственные наделы были в тех вотчинах, где земля особенно ценилась.

Так, в Поимской вотчине на 6054 души крестьянам отвели лишь 6049 десятин, а из тех земель, которыми пользовались крестьяне, помещику было прирезано 13 465 десятин. Всего за помещиком в Поимской вотчине осталось 23 224 десятины. В Серебряно-Прудской вотчине крестьяне на 1500 душ получили всего лишь 1192 десятины. От их земельной площади в пользу помещика было отрезано 3324 десятины.

Отрезанные у крестьян земли помещик отдавал в аренду тем же крестьянам. Ему это было более выгодно, чем если бы земля осталась в пользовании крестьян. Так, в Поимской вотчине арендная плата за десятину земли была на 3 руб. 50 коп. больше, чем получали за нее оброка.

Крестьяне деревни Марьино, которая находилась недалеко от Москвы, просили, чтобы им возвратили 44 десятины пахотной земли, которую они в конце XVIII в. с большим трудом расчистили от леса по предписанию Н. Шереметева и которой пользовались до 1844 г. В 1844 г. земля была отобрана у крестьян и отдавалась в аренду. Просьба крестьян была оставлена без последствий. Главный управляющий Шереметевских вотчин Касаткин-Ростовский в докладе графу писал: «Имея в виду, что деревня Марьино находится близ Москвы, где земля имеет значительную ценность, чему доказательством служит отдача земли в аренду крестьянину Куколеву почти по 37 руб. серебром за десятину, тогда как крестьяне за состоящую в их пользовании усадебную, пахотную и луговую и выгонную землю платят оброку только по 8 руб. 75 коп. с души, т. е. около 4 руб. 35 коп. за десятину, я полагал бы просьбу крестьян оставить без последствий, о том объявить им от Останкинской конторы через старосту». На это Шереметев ответил: «По изложенным причинам просьбу марьинских крестьян оставить без последствий». Самая лучшая земля не была возвращена крестьянам деревни Марьино.

Крестьяне Троицкой вотчины жаловались на то, что согласно проекту разверстки у них должны были отрезать менее 8 десятин земли, но прибывший управляющий вместе с землемером отрезали двойное количество земли. Кроме того, к лесному покосу присоединили и 6 десятин

луговых, о которых в проекте разверстки и не говорилось. Все эти жалобы крестьян оставались без последствий.

Прирезка земли в пользу помещика затрагивала интересы не только целого общества крестьян, но и отдельных крестьянских хозяйств.

Крестьянин села Константиновки И. Махров, переселенный графом Шереметевым в поле Яковлевское, где он построил избу, удобрил землю, развел садик, жаловался московскому губернатору, что управляющий имениями и мировой посредник выселяли его в 1861 г. из его собственного дома. Крестьянин писал, что «в манифесте повелено улучшать быт всех крестьян, но сего не выполняют, а только есть одни разорения и истязания». Жалоба была отклонена, и Махрова вместе с семейством выселили из своего дома. Постройки были перевезены в село Константиновка, куда вся семья Махрова была принудительно водворена.

Земельные наделы крестьян после реформы не только уменьшились по сравнению с теми, что были у них раньше, но и ухудшились по своему качеству, так как «Положения 19 февраля 1861 года» предоставляло помещикам возможность отдавать крестьянам наделы в любом месте. Помещики брали себе лучшую землю, оставляя крестьянам худшую.

В. И. Ленин писал, что крестьян наши благородные дворяне ободрали как липку, заставили их выкупать свою собственную землю и платить за нее втридорога, награбили себе крестьянской земли в виде всяких отрезков, пообменяли свои песочки, овраги и пустоши на лучшие крестьянские земли [1].

Выкупную сумму за землю, равную оброку за 17 лет, помещик получал из казны, а крестьяне платили эту сумму в течение 49 лет. Уже в 1867 г. Д. Шереметев получил с крестьян 6 791 211 руб. да еще должен был получить с некоторых вотчин, которые к этому времени не определили свои выкупные операции, 5 416 111 руб. В среднем за десятину земли крестьяне должны были заплатить 45 руб., тогда как в действительности она стоила 20—30 руб.

Таким образом, писал В. И. Ленин, «за свои, пòтом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить *выкуп,* то есть *дань* вчерашним рабовла-

---

[1] См.: В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 379.

дельцам. Сотни миллионов рублей этой дани крепостникам выплатили крестьяне, разоряясь все более и более»[1].

К. Маркс, указывая на несоответствие выкупных платежей доходности земли, говорил, что помещик вознаграждался не только за *одну землю,* но и за *труд крестьян,* который у него отбирался[2]. Благодаря выкупным операциям помещик получал в свое распоряжение огромный капитал. А крестьяне из-за кабальных условий выкупа на целое полстолетие (49 лет) превращались в крепостных правительства на основании правительственной ссуды. Помимо погашения выкупной ссуды, они должны были еще на каждый рубль выкупа выплачивать огромные проценты.

При наделении крестьян землей и ее выкупе шереметевских крестьян волновали еще и другие вопросы: о крестьянской собственной земле, крестьянских усадьбах, возможном переселении, о наделении крестьян дарственным наделом.

Один из крупнейших помещиков России, Д. Н. Шереметев, посягнул и на собственную крестьянскую землю. В порядке «подготовки» к реформе Павловская вотчинная контора отобрала у крестьян копии межевых планов и часть других документов, подтверждающих покупку земли до реформы. Так, Д. Н. Шереметев не признавал за крестьянами деревни Леухово 234 десятины земли, купленной ими еще задолго до реформы, несмотря на то что повинностей за эту землю они помещику не платили. Главный комитет об устройстве сельского населения постановил жалобу крестьян «оставить без последствий». И только крестьянам села Ближнее Давыдово, сохранившим у себя кое-какие документы, удалось в 1877 г. закрепить в свою собственность 135 десятин земли, купленной их отцами еще в 1820 г.

Крестьяне таких шереметевских сел, как Ворсма и Павлово, уже выкупили свои усадьбы в собственность, на что имели от помещика соответствующие письма. Но Шереметев вновь включил эти усадьбы в надел, и они подлежали вторичному выкупу. Крестьяне села Ворсмы подали жалобу царю на неправильные действия Шере-

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 65.
[2] См. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, стр. 146.

метева. Для подтверждения своих прав на усадебную землю они собрали около 830 документов.

После реформы Д. Н. Шереметев потребовал от крестьян села Павлово переноса 250 усадеб. И только в результате десятилетней борьбы и многочисленных жалоб в правительственные учреждения крестьянам удалось, наконец, добиться от помещика отказа в 1871 г. от этого требования.

Большой интерес представляют выкупные договоры А. Д. Шереметева с крестьянами крупнейших сел Горбатовского уезда, центров кустарного производства металлических изделий, — Павлово и Ворсмы. Оба договора составлены в 1871 г. Соглашениям предшествовала десятилетняя борьба крестьян за снижение оброка, за возврат мирских капиталов, за признание купленной крестьянами до реформы в свою собственность земли и по ряду других вопросов.

Особенно активную борьбу за свои интересы вели крестьяне села Павлово. Не ограничиваясь подачей жалоб на помещика в Министерство внутренних дел и в Главный комитет об устройстве сельского населения, делегация крестьян села Павлово приехала в Петербург и в 1866 г. добилась приема у министра внутренних дел П. А. Валуева, а в 1870 г. была даже представлена Александру II.

Борьба павловских крестьян против Д. Н. Шереметева, а затем против его сына А. Д. Шереметева получила огласку. Материалы о спорных делах крестьян с помещиком попали в газеты. Нежелательность решения такого большого дела против помещика в пользу крестьян заставила земский отдел Министерства внутренних дел войти в переписку с А. Д. Шереметевым. Накопившаяся недоимка с крестьян села Павлово (свыше 15 тыс. руб.) ускорила соглашение помещика с крестьянами. По выкупному договору А. Д Шереметев вынужден был наполовину снизить оброк. Захваченный им при составлении уставной грамоты мирской капитал (более 30 тыс. руб.) засчитывался частью за недоимки, частью шел в уплату выкупной суммы. Крестьяне со своей стороны соглашались выкупить «..усадебный и полевой наделы, отведенные обществу по уставной грамоте, не исключая и тех участков: усадебных, огородных, под базарными и ярмарочными площадями и под другими местностями

в даче с. Павлово, которые отдельные крестьяне — домохозяева с. Павлово оспаривали у графа Шереметева в свою собственность».

Борьба крестьян села Ворсмы с Шереметевыми закончилась тем, что крестьяне по выкупному договору согласились выкупить весь усадебный и полевой наделы, отведенные им по уставной грамоте, «не исключая и тех усадебных участков, которые отдельные крестьяне-домохозяева общества с. Ворсмы оспаривают у помещика в свою собственность». Но крестьяне добились, что помещик отказался от взимания с них дополнительного платежа, сумма которого составляла 30 714 руб.

Крестьянская реформа 1861 г. не могла не вызвать классовой борьбы в деревне. Как ни старался Д. Н. Шереметев, чтобы в его вотчинах были тишина и спокойствие, выступления крестьян усилились.

В 1862 г. Шереметев сообщил III отделению, что в волостные правления его имений Ярославской и Курской губерний были присланы безымянные письма одинакового содержания, возмущающие крестьян против распоряжения главного управляющего имениями.

Подобные же письма были присланы и в другие имения Шереметева. Одновременно в газете «Северная пчела» появилась статья, в которой упоминалось «о помрачении доброй славы» помещика Шереметева и возбуждалось недоверие к уставным грамотам во всех имениях Шереметева.

На это было обращено особое внимание начальников губерний, где находились вотчины Шереметева, а также предписывалось местным жандармским офицерам следить за спокойствием в вотчинах и содействовать тому, чтобы были обнаружены виновные в составлении писем. Кроме того, об этом было сообщено министру внутренних дел для дальнейших с его стороны распоряжений.

В Никольской вотчине Московского уезда в 1861 г. крестьяне продали лошадь, которой пользовалось ранее вотчинное правление и содержать которую должны были крестьяне на мирские средства. Затем они потребовали, чтобы все денежные крестьянские средства, хранящиеся в вотчинном правлении, были переданы вновь избранному старосте. [1].

---

[1] См. Усадебный архив музея Останкино, № 549, л. 22.

Со стороны вощажниковских крестьян была попытка взять на учет имущество (мебель, экипажи и др.), приобретенное помещиком до реформы на средства крестьян. Старшина Вощажниковской вотчины Е. Попков предлагал вотчинной конторе немедленно заняться составлением ведомости о приходе и расходе денежных сумм, принадлежавших обществу. Петербургская же контора, охраняя интересы помещика и находя поступки волостного старшины Попкова в высшей степени самовольными, предписала вотчинному правлению объявить Попкову, что крестьянам не предоставлено право проверки расходов, бывших до 19 февраля 1861 г., что Попков «не имеет никакого права отчуждать в распоряжение мира те повинности, которые были установлены до 19 февраля 1861 г. В случае дальнейших притязаний Попкова, а тем более насилий, поручается вотчинной конторе обращаться с жалобой к местному мировому посреднику и донести земской полиции, прося первого удержать Попкова от несообразных с положением домогательств, а последнюю о поступлении с виновным по законам, если только он дозволит себе какое-либо насилие».

В рапорте управляющего Михайловской вотчиной говорится, что после манифеста 1861 г. «крестьяне решительно во всех селениях перестали платить повинность. Заговорили о недостатке земли, о запрещении безвозмездно пользоваться лесами для домашних надобностей, о недавней прибавке оброка... Забыли все прежние благодеяния Его Сиятельства и только рассуждают о «свободах» и что свобода избавит их решительно от всякого платежа какой бы то ни было повинности». Управляющий, объезжая селения, убеждал крестьян платить повинности и те как будто бы соглашались, но как только он уезжал, они заявляли, что платить не будут. [1]

В сентябре 1861 г. делопроизводитель Михайловской вотчины Иван Баранцев писал: «Крестьяне явно и смело начали высказывать, что они имеют мало земли для полного надела, что содержать вотчинную контору и хозяйство владельческого управителя денежными сборами они не желают и что... оброк, следуемый его сиятельству, должен с избытком считаться оплаченным посредст-

---

[1] См. Научный архив музея Останкино, № 209, стр. 9.

вом прежнего содержания конторы и производства сбора вспомогательного капитала, о котором они намерены требовать отчета».

Намерение михайловских крестьян не платить помещику повинностей настолько было серьезным, что еще в мае 1861 г. в деревню Михайловку был послан эскадрон драгунского полка. На другой день прибыл туда же земский исправник и потребовал собрать неплательщиков оброка, но большая часть крестьян не явилась. Те крестьяне, которые упорно уклонялись от платежа, тут же были наказаны розгами.

В 1862 г. крестьяне деревень Шопино и Терновка Белгородского уезда Курской губернии не согласились принять поземельный надел и платить оброк. Они договорились между собой не исполнять никаких требований начальства, не слушали никаких доводов приехавших губернских чиновников. Наконец, в 1864 г. прекратили взнос и казенных податей.

Принять решительные меры к водворению в деревне порядка было поручено вице-губернатору и штаб-офицеру корпуса жандармов. Но увещевания их были безрезультатны, а между тем жители окрестных селений также начинали волноваться. В названные деревни были введены войска, зачинщики были арестованы и подвергнуты наказанию. Волнение крестьян было подавлено.

В вотчинах Павловской, Ворсмской, Панинской крестьяне в 1861 г. не выполняли лежащих на них обязанностей по отношению к графу и местному начальству. «Дух неповиновения», — писал управляющий, — разлился во всех слоях крестьянства как в низшем классе, так и у первостатейных».

В Троицкой вотчине Московского уезда увещевания платить оброк на крестьян не действовали и лишь крайние средства стали оказывать влияние на успешные сборы.

Неспокойно было и в Шошинской вотчине Клинского уезда. Управляющий доносил: «Котенков Ф., крестьянин села Нового, вскоре после манифеста 19 февраля 1861 г. беспрестанно водворял беспорядки между крестьянами села Нового, уговаривал их не платить оброка и прочих повинностей, за что в апреле месяце 1861 г. был найден зачинщиком, потребован в земский суд, наказан 20 ударами розог». Но, несмотря на эту меру наказания, Ко-

тенков продолжал вооружать крестьян против владельца, требовать в надел всю землю, жаловался губернскому присутствию и, получив отказ, обратился в Главный комитет по крестьянским делам, где его жалоба была признана несостоятельной. Ф. Котенков вновь был арестован и предстал перед земским судом. Ему грозило удаление из села, но для этого требовалось согласие общества. Общество же села Нового писало, что Котенков хорошего поведения, кроткий, под судом и следствием не находился и опасным быть не может. Шереметев со своей стороны доказывал, что считает присутствие Котенкова в вотчине вредным и даже опасным. В конце концов он добился ссылки Котенкова в Сибирь.

В 1863 г. управляющий Марковской вотчиной доносил в Петербургскую контору, что «временнообязанные крестьяне Марковской вотчины А. Андреев, Ф. Максимов и Т. Иванов постоянно во время введения в действие уставной грамоты продолжают волновать крестьян, призывая их к непризнанию уставной грамоты... Три этих крестьянина успели выпросить от прочих обществ доверенность на хождение по делам, в силу чего постоянно утруждали Губернское присутствие по крестьянским делам жалобами о неправильности наделения их землями. Так как крестьяне Марковской вотчины не хотели внять убеждению даже московского гражданского губернатора... объяснявшего подробно неосновательность их требований, то г. посредник находит единственное только средство прекратить эти беспорядки — отдать вышеуказанных трех крестьян в распоряжение правительства и сослать в Сибирь».

Общество же крестьян Марковской вотчины ответило, что не желает исключать их из своей среды. Несмотря на это, указанные крестьяне все же были сосланы в Сибирь.

Крестьяне сельца Садовки Казаковской вотчины в 1861 г. частично не платили оброка и отказывались платить на содержание вотчинного правления.

12 марта 1861 г. в Сергиевской вотчине крепостным крестьянам был объявлен манифест и роздано было по экземпляру «Положений» о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. «По невежеству крестьян, — пишет в рапорте приказчик П. Синицын, — это породило в них разные преувеличенные толки, а... в соседнем селе-

нии... против местной власти сделано восстание, куда для водворения спокойствия земским судом командирован становой пристав».

Начались беспорядки и в Серебряно-Прудской вотчине, где крестьяне не повиновались вновь выбранным начальникам. «Неблагомыслящими» крестьянами распространялось внушение обществу «к непослушанию и уклонению от взятых обязанностей». Инициаторами волнений были два крестьянина: С. Рыкин и Н. Артюхин. Их подвергли наказанию розгами и двухнедельному аресту.

В 1863 г. в шереметевском имении Пебалг (Лифляндская губерния) крестьяне требовали уменьшения арендной суммы и не повиновались. Руководил их действиями сын одного из крестьян, доктор Юрьян.

О волнениях крестьян в 1863 г. в Алексеевской вотчине Бирючевского уезда помещику Шереметеву писал министр внутренних дел.

Временнообязанные крестьяне трех волостей Бирючевского уезда не желали платить помещику оброк и требовали передачи в собственность всего прежнего надела. Движение было подавлено. Но настроение крестьян было таково, что в любой момент могло вспыхнуть новое волнение. Бирючевский уезд составлял такой центр, вокруг которого группировалось значительное число крестьянских обществ смежных уездов, и на который эти общества смотрели как на пример для подражания.

В Ивановской вотчине выкупная операция сопровождалась сильным возбуждением всего населения. Сельская беднота волновалась потому, что не могла справиться с уплатой оброка и накопившихся недоимок. На волостном сходе 22 июня 1862 г. на замечание мирового посредника, что цифра оброка утверждена губернским присутствием, один из крестьян, Замараев, сказал, что губернское присутствие им не закон и что они пойдут жаловаться царю. Когда же мировой посредник велел записать фамилию этого крестьянина, то вся толпа в один голос закричала «всех записывай». Все меры к восстановлению порядка и тишины ни к чему не привели. Мировой посредник принужден был оставить волостное правление.

Тревожно было и в Поимской вотчине. Из сообщений полицейских властей видно, что в мае 1865 г. неповино-

Восстания и волнения крестьян Шереметевых, вызванные отменой крепостного права в 1861 г.

вение оказали пять селений пензенского имения графа. Крестьяне этих селений, требуя обещанного им надела, прекратили запашку господских полей и не платили оброка. Уговоры местных властей, прибытие трех рот Новочеркасского полка и наказание розгами зачинщиков не привело к прекращению волнений. И только после прибытия в вотчину губернатора вместе с жандармским штаб-офицером движение крестьян было подавлено.

Особенно сильное крестьянское движение произошло в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии, которое соприкасалось с вотчиной Шереметева. Крестьянин села Бездна Антон Петров стал толковать «Положения

19 февраля 1861 года»[1] в духе крестьянских требований. Он утверждал, что крестьяне согласно «Положений» получали немедленно волю и не должны были выполнять по отношению к помещикам никаких повинностей. Почти вся помещичья земля должна также принадлежать крестьянству — «помещику земли — горы да долы, овраги да дороги и песок да камыш, лесу им ни прута, переступит он шаг со своей земли — гони добрым словом, не послушался — секи ему голову, получишь от царя награду».

Агитация Антона Петрова имела огромный успех. В бездненских волнениях принимали участие 75 деревень Спасского уезда, а также прибывшие крестьяне Самарской и Симбирской губерний. Для подавления крестьянского движения в Спасский уезд были направлены войска.

Крупное восстание вспыхнуло весной 1861 г. в Чембарском и Керенском уездах Пензенской губернии. Крестьянство либо не хотело верить в подлинность манифеста и «Положений», либо пыталось найти в них другое содержание.

Приведенные факты говорят о том, что реформа в вотчинах Шереметевых проходила не гладко. Недовольство крестьян нарастало. Если в вотчине Пебалг крестьяне требовали уменьшения арендной платы, в Серебряных Прудах не повиновались выборным начальникам, то в Ивановской, Михайловской, Ворсмской вотчинах они отказывались от выполнения повинностей и платежа оброка, а в Алексеевской вотчине требовали передачи наделов в их собственность.

Волнения крестьян в первом случае подавлялись силами помещика, движения же, принимавшие характер восстания, подавлялись правительственными войсками. «И великая реформа, — говорил Ленин, — не могла быть приведена в исполнение без помощи военных экзекуций и расстреливания крестьян, отказывавшихся принимать уставные грамоты»[2].

---

[1] «Положения 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» состоят из отдельных законов, определяющих основные условия отмены крепостного права.

[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 395.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Крестьяне шереметевских вотчин, получив сокращенные наделы, с большим трудом добывали средства для существования и с огромным напряжением выплачивали выкупные платежи. Нуждаясь в дополнительных земельных участках, они принуждены были брать в аренду отрезанные у них же в пользу помещика земли.

Для помещика сдача в аренду участков земли была выгодна. В Баландинской вотчине сначала установилась практика сдавать землю в аренду на год крестьянским обществам по договорам, на условиях круговой поруки. Богатым крестьянам было невыгодно заключать с помещиком подобные договоры. В случае неурожая или заминок с платежами у бедноты богатые рисковали, так как с них взыскать нужную сумму было легче.

Арендные договоры сельских обществ быстро переродились в договоры крестьянских товариществ, но также с круговой порукой. Вотчинная контора старалась сдавать земли большими участками, поэтому товарищества образовывались главным образом из зажиточного крестьянства. Взяв такой участок, богатые крестьяне выделяли себе лучшую землю, а худшую сдавали бедноте, накинув, разумеется, арендную плату на каждую десятину.

Богатые крестьяне и отдельно начали брать в аренду крупные участки земли и от себя сдавать нуждающимся в земле бедным крестьянам. Вотчинная контора приветствовала это начинание, так как за богатыми она не боялась потерять арендных денег. Число таких арендаторов с каждым годом возрастало.

Кулаки-арендаторы дробили землю на мелкие участки и сдавали их от себя крестьянам, причем в зависимо-

сти от качества земли назначалась ее стоимость. Не затрачивая ни копейки из своих денег на аренду земли, кулаки собирали с бедноты значительную сумму и обогащались.

Крестьянская масса за это время значительно обеднела, у крестьян уменьшилось количество скота и сельскохозяйственных орудий. В чисто земледельческих вотчинах наблюдается резкое расслоение населения и быстрая пролетаризация бедноты. Так, крестьяне Баландинской вотчины начали наполнять рынок сельскохозяйственных рабочих наряду с приходящими батраками, и если условия найма не всегда обеспечивали прожиточный минимум этих семейств, они переселялись на Волгу и на Дон.

Арендуя землю, крестьяне испытывали грубое насилие и издевательство со стороны помещичьих управителей. Так, в Саратовской губернии шереметевский управитель, пользуясь безвыходным положением несчастных бедняков села Дмитриевки, потребовал уплаты арендных денег за землю в то время, когда хлеб был еще в поле. При бедственном положении крестьян в 1864—1865 гг. они не могли внести нужной суммы и просили отсрочить им выплату денег до сбора нового урожая. Но управляющий обратился к становому приставу, который распорядился задержать хлеб на полях. Пошли дожди, хлеб стоял в поле и осыпался, а крестьянам не разрешали свезти его домой. Наконец, хлеб был оценен и почти целиком был взят как плата за аренду земли.

В 1876 г. крестьяне села Сандырей принуждены были арендовать отрезанную у них же землю. Крестьяне сельца Островцы арендовали у помещика свои же 242 десятины, необходимые им для пастьбы скота. У островецких крестьян были отрезаны также заливные луга, которые они взяли в аренду. Но крестьяне не могли вовремя выплатить аренду и в 1883 г. задолжали графу за земли и луга 2977 руб. Долг этот был рассрочен на 10 лет с обязательством выплачивать его на основе круговой поруки и отвечать за недоимки как движимым, так и недвижимым имуществом. Но бедственное положение крестьян села Островцы привело к тому, что они не могли выплачивать сполна аренду и обратились в Островецкую контору с просьбой уменьшить ее. Просьба их не была удовлетворена. Из Останкинской конторы поступило

грозное требование уплатить недоимки, а в случае задержки арендных денег взыскать их судебным порядком.

Крестьяне деревни Левиной Бронницкого уезда арендовали у помещика 171 десятину земли. Но в 1885 г. вторую половину арендных денег заплатить не могли, так как был недород, и просили отсрочить взнос до 1 января 1886 г. Управляющий объявил, что если крестьяне не уплатят в срок арендных денег, то арендуемая земля будет отобрана вместе с посеянным хлебом и, кроме того, арендные деньги будут взыскиваться судом с неустойкой по 2 руб. за каждый просроченный день.

Крестьяне должны были арендовать не только землю, но и покосы, потому что у них не было пастбищ. Во многих случаях у крестьян шереметевских вотчин земли были так отрезаны, что они лишились выпасов и им приходилось арендовать у помещика наряду с полевыми отрезками и выгоны для скота.

Арендные договоры, заключаемые крестьянами с помещиками, носили кабальный характер. В контрактах с крестьянами Юхотской и Новосельской вотчины говорится: «Мы, крестьяне, должны вносить доверенному его сиятельства по половинам года: за первую половину — 1 мая, за вторую половину — 1 октября каждого года. Если же мы, крестьяне, не заплатим в этом сроке арендной суммы, то на уплату оной должны даваться нам льготы два месяца, за что мы должны платить графу Шереметеву по 2% в месяц с каждого рубля не внесенной на срок суммы; если же и в течение двух льготных месяцев мы не уплатим сполна арендной суммы и причитающихся процентов, то граф Шереметев или его доверенный имеет право нарушить сие условие, взыскать с нас, крестьян, недоплаченные деньги и сверх того убытки, какие будут причинены графу Шереметеву». Установленные в договоре проценты за невыплаченные арендные деньги уже говорят о том, что в массе крестьяне едва ли были в состоянии платить аренду вследствие своего обнищания.

17 апреля 1874 г. в селе Большое с крестьянских дворов был согнан рогатый и рабочий скот и продан на базаре, чтобы покрыть недоимки. Такая расправа, естественно, приводила к разорению крестьян.

Доверенный Шереметева, прибывший в деревню Харитоново Покровской вотчины для взыскания с крестьян арендной платы, встретил сопротивление не только со стороны крестьян, но и старшины. Когда крестьянам объявили, что граф требует с них денег, они в свою очередь заявили, что сами желают получить с него еще бо́льшую сумму. Старшина отказался написать акт на арест имущества неплательщиков. Доверенный графа вынужден был покинуть деревню. Крестьяне, собравшись в большом количестве, проводили его насмешками: «Что, получил? С чем приехал, с тем и уехал».

С одной стороны, крестьяне не могли платить арендных денег, так как они обнищали, с другой стороны, среди них нарастал протест против установившихся кабальных отношений с помещиком. В Серебряных Прудах этот протест вылился в восстание.

«В Серебряных Прудах, — пишет старый колхозник С. Боршевский, — вся лучшая земля была в руках помещика Шереметева. Крестьянская земля была раскидана в разных местах, за 10—12 километров приходилось ездить. Мало было земли у крестьян, и распределена она была неправильно. Земля была наделена на душу, семья росла, а земля не прибавлялась, поневоле приходилось брать землю в аренду. Пойдешь, бывало, к графу, снимешь шапку, поклонишься и просишь: «Барин, сдай земельки в аренду». Возьмешь десятину, а потом и сам не рад. Ведь за эту десятину графу надо полностью обработать одну треть десятины: вспахать, посеять, убрать, обмолотить и зябь поднять, да еще 40 возов навозу вывезти. Кроме того, надо еще уплатить 9 руб. Никакой пользы не было от аренды, только мука одна...

Бывало начнется уборка урожая, повезешь хлеб домой, а графский объездчик встречает тебя словами: «За аренду уплатил?». И если не уплачено, то тут же среди дороги отбирал снопы. А сколько штрафов мы переплатили. Забежит теленок на графскую землю — плати штраф... Скот пасти нам негде было, кругом барская земля. Для того чтобы пасти скот на жнитве, надо было графу Шереметеву уплачивать 3—5 руб. с головы или отработать 10—12 дней. Пробовали мы силой взять землю у графа да ничего не вышло».

«Отработки и кабала, — говорил В. И. Ленин, — вот чем оказался на деле тот «свободный труд», призвать на

который «божие благословение» приглашал крестьянина манифест, составленный попом-иезуитом [1].

Крестьяне и после «освобождения» остались нищими, питались мякиной и лебедой, жили вместе со скотиной, ходили в лохмотьях, все время голодали и вымирали от периодических неурожаев.

Недостаточность надела и невероятная обремененность его податями (значительно возросла подушная подать со всех категорий крестьян и земский сбор, бравшийся с податных душ) вынуждали крестьян прибегать к аренде земли, а также искать заработка вдалеке от своего местожительства — в Новороссии, за Уралом, в Сибири и в Средней Азии.

Особенно в тяжелом положении оказались дворовые. Так, по решению Д. Н. Шереметева дворовые, жившие в селе Останкино, подлежали выселению из села. 20 дворовых, имевших свои дома, не хотели переселяться и протестовали. Собравшись на сходку, они решили, что ломать дома не будут. Полагая, что никто не имеет права их выселить, они отказывались просить Шереметева о разрешении жить в Останкино на арендных правах. Между тем жизнь дворовых, подлежащих выселению, подвергалась всяческим притеснениям. Например, Московской конторой было предписано: «Не дозволять ни под каким предлогом переселявшимся из Останкино бывшим дворовым пускать в останкинское стадо коров и лошадей и вообще стараться прервать с ними всякое отношение».

Вопрос о принудительном выселении дворовых ставился у московского гражданского губернатора, и на совещании по останкинскому делу было решено: «В случае сопротивления лиц, подлежащих высылке, послать воинскую команду».

14 августа 1868 г., в день выселения, в Останкино прибыли исправник и 17 сотских. Бывшие дворовые вынуждены были переселиться. Некоторые устроились в трактире на Панином лугу, другие — в деревне Марфино, в селах Алексеевском и в Свиблово. У 20 дворовых стройки были проданы с аукциона.

В 1868 г. в № 10 журнала «Колокол», в разделе «Смесь», где печатались материалы, обличающие язвы

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 395.

русской действительности, А. И. Герценом была помещена заметка «Победа Шереметева». Герцен писал: «Как известно, граф Шереметев — самый богатый в России человек; до освобождения он владел *ста двадцатью тысячами* крестьян.

Итак, наш дорогой граф на днях выиграл процесс против трехсот своих бывших рабов. Дело это тянулось несколько лет, но в конце концов первый в России богач успел-таки разорить триста человек, живущих в его имении Останкино. Поздравляем, граф, с этим успехом!»

После отмены крепостного права А. Д. Шереметев стал усиленно сдавать в аренду земли в бывшей Останкинской вотчине: в Останкине — под дачные участки, в Марьиной роще — в долгосрочную аренду (купцам, владельцам ремесленных заведений и другим лицам). Очень скоро Марьина роща перестала быть рощей, а стала густонаселенной кустарно-промышленной окраиной Москвы. Денежные доходы Останкинского имения значительно увеличились. Если в 1868 г. граф получил 7392 руб., то в 1912 г. — 94 262 руб. Близость Москвы, крупного экономического центра России, не могла, конечно, не сказаться на увеличении денежных доходов Останкинского имения. В дальнейшем при определенной денежной затрате, имение могло приносить графу Шереметеву еще бо́льшие доходы, но у него не было никакого желания вкладывать в имение капитал и вести разросшееся хозяйство.

В 1913 г. А. Д. Шереметев сдал Останкинское имение в аренду на 99 лет за 1 780 000 руб. французским арендаторам во главе с Пьером Дарси. Французские арендаторы придумали этому акционерному обществу название «Шереметевское поземельное общество». Этому обществу переходила вся земельная площадь за исключением территории, где находился дворец и прилегающая к нему часть регулярного парка. По условиям договора Общество обязано было за 10 лет произвести работы по возведению общественных зданий, по сооружению дорог, по устройству водопровода, освещения, трамвайного движения и т. п. Печать подняла шумиху, радужными красками рисуя картины будущего, когда радением «французских просветителей» марьинорощинские трущобы превратятся в «настоящий европейский» город под названием Новая Москва. Когда же акционерное общест-

во было утверждено царским указом, отпала нужда миндальничать с арендаторами-крестьянами. С одних Общество потребовало многократно увеличенную арендную плату, других, у кого истекал срок аренды, поставило перед необходимостью сносить дома.

Общее возмущение сплотило все население Марьиной рощи. Было принято решение: денег новым хозяевам по кабальным ставкам не платить, договор на аренду не перезаключать; те, кому угрожает сноска построек, должны предъявлять через суд встречные иски. Словом, решено было бороться и одновременно... искать защиты у московского митрополита Макария, у председателя совета министров Коковцева, даже у президента французской республики Раймона Пуанкаре. Когда же марьинских жителей стали поддерживать московские городские власти и общественность, состоялась поездка марьинских уполномоченных в Петербург. Но эта поездка ни к чему не привела: А. Д. Шереметев уклонился от «душевной беседы» с бывшими своими арендаторами. Председатель совета министров принял депутатов весьма радушно и посоветовал апеллировать... к совести французских акционеров.

Так земли Останкинской вотчины, политые потом и кровью крепостных крестьян, переходили в распоряжение иностранных капиталистов, и только Великая Октябрьская социалистическая революция передала эти земли с дворцом и парком народу.

Вся пореформенная история России, по словам В. И. Ленина, состоит в разорении трудящихся и в обогащении меньшинства, в массовой экспроприации крестьян, которая протекала с нигде не виданной интенсивностью.

После отмены крепостного права не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве России развивается капитализм, что нашло свое выражение в окончательном разорении крестьянства, в его распаде на буржуазию и пролетариат.

Характеризуя крестьянскую реформу, В. И. Ленин писал: «Падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу.

После падения крепостного права в России все быстрее и быстрее развивались города, росли фабрики и за-

воды, строились железные дороги. На смену крепостной России шла Россия капиталистическая. На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину вырастало новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы. В крупных городах, на фабриках и заводах все увеличивалось число рабочих. Постепенно стали складываться соединения рабочих для совместной борьбы с капиталистами и с правительством» [1].

Режим, основанный на самой зверской эксплуатации подавляющего большинства народа, на полном его бесправии, не мог не породить народной революции в России. И она приближалась. Ленин ставил в прямую связь реформу 1861 г. и революцию 1905—1907 гг., говоря, что 1861 г. породил 1905, что крепостнический характер реформы затруднил развитие страны, обрек миллионы крестьян на тысячи горьких мучений, но не изменил направление развития, не предотвратил буржуазно-демократической революции 1905 г. Реформа только отсрочила развязку, дав некоторый прирост капитализму, но она не устранила неизбежной революции [2].

Таким образом, отмена крепостного права дала сильный толчок развитию промышленного капитализма в России. Это вело к образованию нового общественного класса — промышленного пролетариата, начавшего борьбу против царского самодержавия.

Рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством под руководством ленинской партии коммунистов совершил в 1917 г. Великую Октябрьскую социалистическую революцию, сверг власть буржуазии и помещиков, установил Советскую власть и приступил к преобразованию России капиталистической в Россию социалистическую. Ныне свободный советский народ во главе с Коммунистической партией успешно строит коммунистическое общество.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 65—66.
[2] См.: В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 99.

ЛИТЕРАТУРА

В. И. Ленин, О государстве. Сочинения, т. 29.

В. И. Ленин, Пятидесятилетие падения крепостного права. Сочинения, т. 17.

В. И. Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. Сочинения, т. 17.

В. И. Ленин, По поводу юбилея. Сочинения, т. 17.

В. И. Ленин, Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Сочинения, т. 15.

В. И. Ленин, К деревенской бедноте. Сочинения, т. 6.

В. И. Ленин, Развитие капитализма в России. Сочинения, т. 3.

В. И. Ленин, Рабочая партия и крестьянство. Сочинения, т. 4.

М. П. Башилова, Крепостные художники, М., 1949.

М. П. Башилова, Н. И. Подключников, М., 1955.

П. Бессонов, Прасковья Ивановна графиня Шереметева, ее народная песня и родное село Кусково, М., 1872.

Н. А. Елизарова, Театры Шереметевых, М., 1944.

Н. А. Елизарова, Останкино, изд. «Московский рабочий», М., 1955.

П. А. Зайончковский, Отмена крепостного права в России, Учпедгиз, М., 1960.

И. В. Мешалин, Текстильная промышленность крестьян Московской губ. в XVIII в. и первой половине XIX в., М., 1950.

А. В Никитенко, Записки и дневник, т. I и II, Спб., 1904—1905.

А. С. Нифонтов, Нарастание кризиса крепостнического строя в России в 30—40-х годах, «Всемирная история», т. 6, М., 1959.

«Очерки экономической истории России 1-й половины XIX в.». Сборник статей, М., 1959.

П. Подлящук, Колонизаторы в Марьиной роще. Приложение «Неделя» в газете «Известия» от 4—10 июня 1961 г.

А. Н. Радищев, Сочинения т. I, М.—Л., 1938.

В. И. Семевский, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I. Спб., 1903.

К. А. Соловьев, Останкино, М., 1958.

В. К. Станюкович, Бюджет Шереметевых, М., 1927.

В. К. Станюкович, Домашний крепостной театр Шереметевых XVIII века, Л., 1927.

В. К. Станюкович, Крепостные художники Шереметевых. Записки историко-бытового отдела Государственного русского музея. Сборник, 1928.

А. А. Степанов, Крестьяне-фабриканты Грачевы, там же.

П. М. Экземплярский, История города Иванова, Ивановск. кн. изд., 1958.

А. Яцевич, Крепостные в Петербурге, Л., 1933.

Цена 14 коп.